

**Утверждено
постановлением президиума
Челябинского областного суда
от 22 марта 2017**

**ОБОБЩЕНИЕ СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ
ЧЕЛЯБИНСКОГО ОБЛАСТНОГО СУДА
ЗА ЧЕТВЕРТЫЙ КВАРТАЛ 2016 ГОДА**

СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ

Вопросы квалификации

1. Для квалификации действий виновных по признаку совершения разбоя группой лиц по предварительному сговору необходимо установить наличие двух обстоятельств: факта предварительного сговора и непосредственного участия в совершении преступления двух или более лиц.

Приговором Троицкого городского суда Челябинской области от 23 сентября 2016 года Д.Э.Т.о. осужден по ч. 2 ст. 162 УК РФ к лишению свободы на срок 4 года с отбыванием в исправительной колонии общего режима. Этим же приговором осужден З.Т.Р.о. по пп. «а, г» ч. 2 ст. 161 УК РФ к лишению свободы на срок 3 года условно с испытательным сроком 3 года.

Апелляционным определением Челябинского областного суда от 13 декабря 2016 года приговор изменен: исключены из осуждения по ч. 2 ст. 162 УК РФ квалифицирующие признаки совершения преступления «группой лиц по предварительному сговору» и «с угрозой применения насилия опасного для жизни и здоровья»; снижено наказание до 3 лет 11 месяцев. Указано о зачете времени содержания Д.Э.Т.о. под стражей в срок отбытия наказания с 03 марта 2016 года до 23 сентября 2016 года.

В обоснование принятого судом решения было указано, что по смыслу закона для квалификации действий виновных по признаку совершения разбоя группой лиц по предварительному сговору необходимо установить наличие двух обстоятельств: факта предварительного сговора и непосредственного участия в совершении преступления двух или более лиц.

Как следовало из показаний осужденного З.Т.Р.о. и свидетеля Б.Э.А.о., с Д.Э.Т.о. была предварительная договоренность на хищение имущества потерпевшего без применения насилия, опасного для жизни или здоровья, однако последний самостоятельно взял битую, которая находилась у него в автомобиле, и стал ею наносить удары потерпевшему.

Таким образом, данные показания осужденного и свидетеля указывали на наличие предварительной договоренности между Д.Э.Т.о. и З.Т.Р.о. на совершение открытого хищения и не свидетельствовали о том, что между ними состоялся предварительный сговор на совершения разбоя.

Неправильное применение уголовного закона, повлиявшее на исход дела, послужило основанием для изменения приговора, а именно исключение из квалификации действий осужденного квалифицирующего признака.

Апелляционное определение № 10-5574/2016

2. Для установления в действиях лица, совершившего преступление против собственности, наличие признака незаконного проникновения в жилище, необходимо выяснять, с какой целью виновный в нем оказался, а также когда у него возник умысел на завладение чужим имуществом.

Приговором Копейского городского суда Челябинской области от 30 декабря 2015 года В.С.А. осужден по пп. «в, г» ч. 2 ст. 158, п. «а» ч.3 ст. 158 УК РФ на основании ч. 3 ст. 69, ст. 70 УК РФ к лишению свободы на срок 3 года 6 месяцев с отбыванием в исправительной колонии особого режима. Этим же приговором осужден К.Е.М. по п. «а» ч. 3 ст. 158 УК РФ к лишению свободы на срок 2 года с отбыванием наказания в исправительной колонии строгого режима.

Апелляционным определением Челябинского областного суда от 25 марта 2016 года приговор оставлен без изменения.

Постановлением президиума Челябинского областного суда от 16 ноября 2016 года судебные решения изменены, в частности, действия В.С.А. переквалифицированы с п. «а» ч. 3 ст. 158 УК РФ на ч. 1 ст. 139 УК РФ и пп. «а, в» ч. 2 ст. 158 УК РФ; исключено указание о наличии в действиях В.С.А. особо опасного рецидива с признанием рецидива преступлений; на основании ч. 2 ст. 69, ст. 70 УК РФ окончательно назначено наказание в виде лишения свободы на срок 2 года 5 месяцев с отбыванием в исправительной колонии строгого режима. Этот же приговор в отношении К.Е.М. также изменен: действия последнего переквалифицированы с п. «а» ч. 3 ст. 158 УК РФ на ч. 1 ст. 139 УК РФ и пп. «а, в» ч. 2 ст. 158 УК РФ; исключено указание о наличии в действиях К.Е.М. опасного рецидива с признанием рецидива преступлений; на основании ч. 2 ст. 69 УК РФ окончательно назначено наказание в виде лишения свободы на срок 1 год 9 месяцев с отбыванием в исправительной колонии строгого режима.

Изменяя приговор, суд кассационной инстанции указал, что в соответствии с разъяснениями, содержащимися в п. 19 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27.12. 2002 № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое», решая вопрос о наличии в действиях лица, совершившего какое-либо из указанных

преступлений, признака незаконного проникновения в жилище, необходимо выяснять, с какой целью виновный в нем оказался, а также когда у него возник умысел на завладение чужим имуществом. Если лицо находилось в жилище, не имея такого преступного намерения, но затем совершило хищение, в его действиях указанный признак отсутствует.

Как следовало из материалов уголовного дела, событие кражи имущества Паниной О.Ю., участие в ней В.С.А. и К.Е.М. подтверждены показаниями потерпевшей, свидетеля Ш.А.А. об обстоятельствах совершения преступления и объеме похищенного; показаниями самих осужденных, данными на стадии досудебного производства и в суде, в которых они признавали факт противоправного изъятия имущества и поясняли о возникновении у них преступного умысла на такие действия, в том числе предварительного сговора, в момент нахождения в квартире. В частности, из показаний осужденных, исследованных судом первой инстанции, следует, что К.Е.М. пришел к своим знакомым П.О.Ю. и Ш.А.А., с тем чтобы забрать свой сотовый телефон, который он ранее дал последнему в пользование, В.С.А. пришел с К.Е.М. за компанию. Сначала они стучали в окно квартиры, в которой проживают П.О.Ю. и Ш.А.А., полагая, что те находятся дома, поскольку в комнате был виден свет от телевизора, затем стали наносить удары ногами по входной двери, выбив замок, после чего зашли в квартиру, при этом осознают, что незаконно. Когда увидели, что в квартире никого нет, решили похитить имущество.

Показания осужденных относительно мотивов проникновения в жилище потерпевшей и момента возникновения у них умысла на кражу согласовывались и с показаниями свидетеля Б.С.А., соседки потерпевшей, о том, что осужденные не скрывали своего присутствия рядом с жилищем потерпевшей, шумели и требовали впустить их в квартиру. При этом К.Е.М. в своих обращениях к Ш.А.А. называл свою фамилию.

Осуждая В.С.А. и К.Е.М. за тайное хищение чужого имущества по квалифицирующему признаку «с незаконным проникновением в жилище», суд не привел достаточных доказательств, подтверждающих наличие такого признака, а также не оценил показания осужденных и других лиц в должной мере.

Учитывая изложенное, действия В.С.А. и К.Е.М. по краже имущества П.О.Ю. были квалифицированы как кража, то есть тайное хищение чужого имущества, совершенное с причинением значительного ущерба гражданину, группой лиц по предварительному сговору, а их действия по вторжению в жилище П.О.Ю. образовывали самостоятельный состав преступления, как нарушение неприкосновенности жилища, то есть незаконное проникновение в жилище, совершенное против воли проживающего в нем лица.

Вопросы назначения наказания

3. В соответствии с положениями уголовного закона, если после вынесения судом приговора по делу будет установлено, что осужденный виновен еще и в другом преступлении, совершенном им до вынесения приговора суда по первому делу, окончательное наказание подлежит назначению с применением ч. 5 ст. 69 УК РФ.

Приговором Троицкого городского суда Челябинской области от 17 августа 2016 года У.В.Ю., ранее судимый, осужден по ч. 2 ст. 162 УК РФ к 3 годам 3 месяцам лишения свободы без штрафа и без ограничения свободы. На основании ч. 5 ст. 74 УК РФ условное осуждение по приговору от 04 сентября 2015 года отменено, в соответствии со ст.ст. 70, 71 УК РФ к вновь назначенному наказанию частично присоединены неотбытые наказания, назначенные приговором от 04 сентября 2015 года и приговором от 30 июня 2016 года и окончательно назначено наказание в виде лишения свободы на срок 3 года 6 месяцев с отбыванием в исправительной колонии общего режима.

Этим же приговором осужден Б.С.А. по ч. 2 ст. 162 УК РФ на основании ч. 5 ст. 74, ст. 70 УК РФ к лишению свободы на срок 3 года 9 месяцев с отбыванием в исправительной колонии общего режима.

Апелляционным определением Челябинского областного суда от 21 октября 2016 года приговор в отношении У.В.Ю. изменен: на основании ст. 70 УК РФ по совокупности приговоров к назначенному наказанию по ч. 2 ст. 162 УК РФ частично присоединена неотбытая часть наказания, назначенного приговором от 04 сентября 2015 года, и назначено наказание в виде лишения свободы на срок 3 года 4 месяца; на основании ч. 5 ст. 69, ст. 71 УК РФ путем частичного сложения вновь назначенного наказания в соответствии со ст.70 УК РФ и наказания, назначенного приговором от 30 июня 2016 года, окончательно назначено наказание в виде лишения свободы на срок 3 года 5 месяцев с отбыванием в исправительной колонии общего режима.

Основанием изменения приговора, как указано судом апелляционной инстанции, послужило неправильное применение уголовного закона.

Как следовало из материалов уголовного дела, У.В.Ю. судим: 04 сентября 2015 года по ч. 1 ст. 318 УК РФ к лишению свободы на срок 1 год 6 месяцев условно с испытательным сроком на 1 год; 30 июня 2016 года по ст. 319 УК РФ к исправительным работам на срок 5 месяцев с удержанием 10 % из заработка в доход государства. Приговоры исполнялись самостоятельно.

Обжалуемым приговором суд признал У.В.Ю. виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 162 УК РФ, и назначил ему окончательное наказание, руководствуясь ст. 70 УК РФ, частично присоединив неотбытые наказания по приговорам от 04 сентября 2015 года и 30 июня 2016 года.

Однако при назначении наказания суд не учел, что преступление, за которое У.В.Ю. осужден обжалуемым приговором, было совершено

осужденным 05 июня 2016 года, то есть до вынесения приговора от 30 июня 2016 года и после вынесения приговора от 04 сентября 2015 года.

Учитывая указанные обстоятельства, наказание за совершенное деяние и наказание, назначенное приговором от 30 июня 2016 года подлежало назначению с применением положений ч. 5 ст. 69 УК РФ, то есть по совокупности преступлений.

Апелляционное постановление № 10- 4946/2016

4. Сроки давности, предусмотренные ст. 78 УК РФ, при освобождении несовершеннолетних от уголовной ответственности или от отбывания наказания сокращаются наполовину.

Приговором Орджоникидзевского районного суда г. Магнитогорска Челябинской области от 23 декабря 2016 года Б.Е.К. осужден по ч. 1 ст. 158 УК РФ к обязательным работам на срок 80 часов.

Апелляционным определением Челябинского областного суда от 23 декабря 2016 года приговор изменен: в описательно-мотивировочной части из описания преступного деяния исключено указание на открытый характер хищения имущества потерпевшего С.Д.И., указано о совершении Б.Е.К. тайного хищения имущества потерпевшего. На основании ч. 1 ст. 78 и ст. 94 УК РФ осужденный освобожден от назначенного наказания в связи с истечением срока давности уголовного преследования.

В обоснование принятого решения было указано, что судом первой инстанции не были соблюдены все положения уголовного закона при рассмотрении вопроса о наказании.

На основании ч. 1 ст. 78 УК РФ лицо освобождается от уголовной ответственности, если со дня совершения преступления небольшой тяжести истекли два года. В соответствии со ст. 94 УК РФ сроки давности, предусмотренные ст.ст. 78, 83 УК РФ, при освобождении несовершеннолетних от уголовной ответственности или от отбывания наказания сокращаются наполовину.

Преступление, предусмотренное ч. 1 ст. 158 УК РФ, Б.Е.К. совершил 24 мая 2015 года. Таким образом, срок давности уголовного преследования за преступление, предусмотренное ч. 1 ст. 158 УК РФ, и составляющий один год, на момент вынесения приговора – 06 октября 2016 года истек, в связи с чем Б.Е.К. от наказания подлежал освобождению.

Вместе с тем невыполнение судом первой инстанции указанных требований явилось существенным нарушением закона, повлиявшим на исход дела, поскольку фактически привели к явному несоответствию назначенного наказания требованиям Общей части УК РФ.

Апелляционное определение № 10- 6133/2016

Процессуальные вопросы

5. Если в ходе судебного разбирательства по уголовному делу о преступлениях, предусмотренных чч. 2, 4, 6 ст.261, ст.264.1 УК РФ, будет установлено, что лицо в связи с этим правонарушением привлечено к административной ответственности по чч. 1,3 ст.12.8, ст.12.26 КоАП РФ, то уголовное дело подлежит возвращению прокурору, поскольку вступившее в законную силу решение о привлечении к административной ответственности лица за совершение тех же действий, которые вменены ему органами предварительного расследования, является препятствием для вынесения приговора.

Приговором Южноуральского городского суда Челябинской области от 15 марта 2016 года Ф.Р.О. осужден по ч. 4 ст. 264 УК РФ к лишению свободы на срок 3 года с лишением права заниматься деятельностью, непосредственно связанной с управлением транспортными средствами на срок 3 года. В соответствии с ч. 4 ст. 74, ст. 70 УК РФ окончательно назначено наказание в виде лишения свободы на срок 4 года 6 месяцев с отбыванием в исправительной колонии общего режима.

Так Ф.Р.О. признан виновным в том, что, управляя 24 сентября 2015 года автомобилем «Nissan Condor» в состоянии алкогольного опьянения, грубо нарушил Правила дорожного движения и произвел наезд на пешехода Б.Е.Л., который от полученных телесных повреждений скончался.

Апелляционным постановлением Челябинского областного суда от 19 мая 2016 года приговор суда первой инстанции оставлен без изменения.

Постановлением президиума Челябинского областного суда от 19 октября 2016 года решения судов первой и второй инстанций отменены, уголовное дело возвращено прокурору г. Южноуральска Челябинской области в соответствии со ст. 237 УПК РФ.

Пересмотром судебных актов в кассационном порядке послужили два основания, а именно допущенное в ходе судебного разбирательства и повлиявшее на исход дела нарушение закона, искажающие саму суть правосудия и смысл судебного решения как акта правосудия, в частности назначение несправедливого наказания. Так, в соответствии с ч. 5 ст. 70 УК РФ при назначении наказания по совокупности приговоров производится присоединение и дополнительных видов наказаний.

Как следовало из приговора, признав Ф.Р.О. виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 264 УК РФ, суд назначил ему наказание в виде лишения свободы, а также обязательное для данного состава преступления дополнительное наказание в виде лишения права заниматься деятельностью, непосредственно связанной с управлением транспортными средствами. Между тем, при назначении окончательного наказания по правилам ст. 70 УК РФ суд не назначил Ф.Р.О. дополнительное наказание, при этом мотивов принятого решения в приговоре не привел.

Кроме того, в материалах уголовного дела имелись сведения о том, что постановлением мирового судьи судебного участка №1 г. Южноуральска от 02 октября 2015 года Ф.Р.О. привлечен к административной ответственности по ч. 1 ст. 12.8 КоАП РФ за то, что 24 сентября 2015 года он управлял автомобилем «Nissan Condor» в состоянии алкогольного опьянения.

На момент рассмотрения уголовного дела в суде кассационной инстанции Постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 24.05.2016 №22 были внесены изменения в п. 12.1 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 09.12.2008 №25 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, а также с их неправомерным завладением без цели хищения», согласно которому если в ходе судебного разбирательства по уголовному делу о преступлении, предусмотренном чч.2,4 или 6 ст. 264 либо ст.264.1 УК РФ, будет установлено, что лицо в связи с этим правонарушением привлечено к административной ответственности по чч. 1,3 ст. 12.8 либо по ст. 12.26 КоАП РФ, то суду следует направить уголовное дело прокурору на основании ст. 237 УПК РФ, поскольку вступившее в законную силу и неотмененное решение о привлечении к административной ответственности лица за совершение тех же действий, которые вменены ему органами предварительного расследования (управление транспортным средством в состоянии опьянения или невыполнение законного требования уполномоченного должностного лица о прохождении медицинского освидетельствования на состояние опьянения), является препятствием для вынесения приговора.

При таких обстоятельствах, суд кассационной инстанции сделал вывод, что Ф.Р.О. привлечен к административной ответственности за совершение тех же действий, которые вменены ему органами предварительного расследования, а именно управление транспортным средством в состоянии алкогольного опьянения, что являлось препятствием для вынесения приговора и не могло быть устранено в судебном заседании, в связи с чем дело подлежало возвращению прокурору.

Постановление президиума № 44у-122/2016

6. Признание обвиняемым своей вины в совершении преступления может быть положено в основу обвинения лишь при подтверждении его виновности совокупностью имеющихся по уголовному делу доказательств.

Приговором Ленинского районного суда г. Челябинска от 02 ноября 2016 года Б.О.В. осужден по ч. 1 ст. 158, п. «б» ч. 2 ст. 158 УК РФ на основании ч. 2 ст. 69 УК РФ к обязательным работам на срок 300 часов.

Апелляционным приговором Челябинского областного суда от 02 ноября 2016 года решение суда первой инстанции отменено. Б.О.В. по

предъявленному обвинению в совершении преступлений, предусмотренных п. «в» ч. 2 ст. 158, п. «б» ч. 2 ст. 158 УК РФ, оправдан на основании п. 2 ч. 2 ст. 302 УПК РФ, в связи с непричастностью к совершению преступлений. В соответствии с ч. 1 ст. 134 УПК РФ за Б.О.В. признано право на реабилитацию, уголовное дело направлено начальнику отдела по расследованию преступлений на территории, обслуживаемой ОП Ленинский СУ УМВД России по г. Челябинску, для производства предварительного расследования и установления лица, подлежащего привлечению в качестве обвиняемого.

Отменяя приговор, суд апелляционной инстанции указал, что в качестве доказательств в совершении краж были признаны явки с повинной Б.О.В., которые суд первой инстанции признал допустимыми, а в совокупности с другими исследованными доказательствами - достаточными для разрешения уголовного дела, признания Б.О.В. виновным и юридической оценки его действий. Вместе с тем, из содержания имеющихся в материалах дела документов не усматривалась какая-либо причастность Б.О.В. к совершению этих краж, кроме того, никто из допрошенных лиц, за исключением оперативных сотрудников полиции, не сообщал о совершении краж именно Б.О.В.

Оценивая в совокупности показания Б.О.В., суд признал достоверными его показания, данные при допросе в качестве подозреваемого и в ходе проверки их на месте, а также явки с повинной, и критически оценил его же показания в судебном заседании, расценив последние как способ избранной защиты.

Так, из исследованных судом первой инстанции показаний Б.О.В., данных в ходе очной ставки со свидетелем Д.Б.С., усматривалось, что, отрицая свою причастность к совершению преступлений, обвиняемый подробно пояснил, где он мог находиться в период совершения инкриминируемых деяний, и почему им даны явки с повинной.

В частности, Б.О.В. заявил, что явки с повинной написаны им в результате оказанного на него психологического давления со стороны оперативных сотрудников, которые и сообщили ему информацию о совершенных кражах, изложенную им в явках с повинной, а в последующем - при допросе в качестве подозреваемого. Фактически, в марте 2015 года он находился в больнице, в июне 2015 года проживал с сестрой на базе отдыха, в июле 2015 года находился дома и не совершал инкриминируемых ему краж.

Проверяя алиби обвиняемого, орган предварительного расследования установил, что, действительно, с 16 по 26 марта 2015 года Б.О.В. находился на лечении в отделении гнойной хирургии ГБУЗ «ОКБ №2». В связи с этим уголовное преследование в отношении него по факту тайного хищения имущества Т.А.О., о котором он также заявил в явке с повинной и протоколе допроса в качестве подозреваемого, было прекращено за отсутствием в его действиях состава данного преступления.

В остальной части алиби Б.О.В. надлежащей проверки не получило.

Кроме того, в качестве доказательства вины суд первой инстанции указал в приговоре протокол проверки показаний подозреваемого на месте. Однако, из содержания указанного протокола усматривается, что адвокат К.С.В., допущенная в качестве защитника Б.О.В. при его допросе в качестве подозреваемого, при производстве указанного выше следственного действия не участвовала. В последующем Б.О.В. отказался от показаний, данных в ходе их проверки на месте, что, согласно п. 1 ч. 2 ст. 75 УПК РФ, влечет их недопустимость и исключает использование в качестве доказательства по делу.

Также в качестве доказательства вины Б.О.В. в краже аккумулятора с автомобиля ВАЗ-2107 суд, помимо явки с повинной и показаний подозреваемого, указал протокол его опознания свидетелем Д.Б.С., из содержания которого следует, что последний опознал Б.О.В., как лицо, продавшее ему у магазина аккумулятор для автомобиля за 1-2 месяца до опознания. При этом сам свидетель в суде первой инстанции не допрашивался и даже не был включен в список лиц, подлежащих вызову в суд, согласно приложению к обвинительному заключению. То есть сомнения в этой части обвинения судом первой инстанции устранены не были.

Будучи допрошенным в суде апелляционной инстанции, свидетель Д.Б.С. пояснил, что летом 2015 года в пункт приема металла приехали сотрудники отдела полиции, спросили, сдают ли им аккумуляторы, получив утвердительный ответ, доставили его в отделение полиции, где, наряду с другими фотографиями показали и фотографию Б.О.В., уточнив, сдавал ли тот аккумулятор. Он ответил утвердительно, поскольку, действительно, Б.О.В. как-то приносил в пункт приема оранжевый аккумулятор, который он в последующем поставил на свой автомобиль, но в результате замыкания он его выбросил. Однако следователю он дал иные показания, так как опасался, что пункт приема металла закроют, а это было его единственное место работы. После оглашения протокола его допроса в качестве свидетеля, а также его показаний из протокола очной ставки с Б.О.В., Д.Б.С. не подтвердил их, пояснив, что в отдел полиции сам никогда не обращался, у магазина аккумулятор не покупал.

Анализ показаний свидетеля не позволил признать их относимыми доказательствами, поскольку, помимо выявленных противоречий по месту и времени приобретения аккумулятора, из их содержания не усматривалось, какой именно аккумулятор он приобретал. Сам аккумулятор не изымался, не осматривался, потерпевшему Ж.А.В. для опознания не предъявлялся.

Несоответствие выводов суда, изложенных в приговоре, фактическим обстоятельствам уголовного дела, а именно то обстоятельство, что выводы суда не подтверждались доказательствами, рассмотренными в судебном заседании, послужило основанием отмены приговора.

7. Осужденный вправе отозвать апелляционную жалобу стороны защиты, поданную в его интересах.

Приговором Курчатовского районного суда г. Челябинска от 26 сентября 2016 года К.Ю.А. осужден по пп. «а, в» ч. 2 ст. 158 УК РФ на основании ч. 4 ст. 74, ст. 70 УК РФ к лишению свободы на срок 3 года 2 месяца с отбыванием в колонии общего режима.

Адвокатом Т.Д.С. на указанный приговор была принесена апелляционная жалоба, после ознакомления с которой осужденным было подано ходатайство об оставлении приговора без изменения со ссылкой на то, что вину он признал, а адвокат написал жалобу без согласования с ним.

Постановлением Курчатовского районного суда г. Челябинска от 07 октября 2016 года ходатайство было отклонено, в обоснование принятого решения было указано, что адвокат является самостоятельным участником процесса, от услуг которого К.Ю.А. не отказывался.

11 октября 2016 года осужденный представил новое ходатайство, в котором повторно выражал согласие с приговором, указывал на отсутствие желания его обжаловать, вместе с тем отмечал, что в защите адвоката Т.Д.С. не нуждается по причине несогласования с ним вопроса обжалования судебного решения.

Постановлением Челябинского областного суда от 17 ноября 2016 года постановление от 07 октября 2016 года отменено с прекращением апелляционного производства по апелляционной жалобе адвоката Т.Д.С. на приговор Курчатовского районного суда г. Челябинска от 26 сентября 2016 года ввиду её отзыва осужденным К.Ю.А.

Как указано судом апелляционной инстанции, принцип взаимодействия осужденного и адвоката строится на том, что защитник оказывает юридическую помощь подсудимому, осужденному при производстве по уголовному делу. При этом обвиняемый, подсудимый вправе отказаться от адвоката, а адвокат, защищая клиента всеми законными способами, тем не менее, не вправе допускать противоречий в позиции защиты.

Содержание имеющихся в материалах дела ходатайств осужденного К.Ю.А. сводилось к тому, что он желал отозвать апелляционную жалобу, при этом не нуждался в защите адвоката Т.Д.С., что было оставлено судом первой инстанции без внимания и послужило основанием к отмене решения суда о возбуждении апелляционного производства на приговор.

Постановление № 10-5457/2016

8. В объем возмещения имущественного вреда, причиненного реабилитированному лицу в результате его незаконного уголовного преследования, должны быть включены все суммы, фактически выплаченные им за оказание юридической помощи, а также фактически понесенные им затраты на возмещение расходов, связанных с рассмотрением вопросов реабилитации.

Постановлением Снежинского городского суда Челябинской области от 19 октября 2015 год заявление о возмещение имущественного вреда, поданное Г.Д.А., оставлено без удовлетворения.

В апелляционном порядке постановление оставлено без изменения.

Постановлением президиума Челябинского областного суда от 26 октября 2016 года апелляционное постановление Челябинского областного суда от 25 декабря 2015 года в отношении Г.Д.А. было отменено с направлением материала на новое апелляционное рассмотрение.

В обоснование принятого решения было указано, что согласно ч. 1 ст. 135 УПК РФ возмещение реабилитированному имущественного вреда включает в себя возмещение сумм, выплаченных им за оказание юридической помощи, и иные расходы. При этом по смыслу уголовно-процессуального закона под иными расходами, возмещение которых реабилитированному предусмотрено п. 5 ч. 1 ст. 135 УПК РФ, следует понимать как расходы, которые понесены реабилитированным лицом непосредственно в ходе уголовного преследования, так и расходы, понесенные им в целях устранения последствий незаконного или необоснованного уголовного преследования, включая затраты на возмещение расходов, связанных с рассмотрением вопросов реабилитации.

Как следовало из материалов производства, постановлением Снежинского городского суда Челябинской области от 04 марта 2014 года за Г.Д.А. признано право на реабилитацию в связи с его осуждением приговором от 06 марта 2002 года по ч. 2 ст. 325 УК РФ за пределами сроков давности уголовной ответственности.

После этого Г.Д.А. в порядке главы 18 УПК РФ обратился в Снежинский городской суд Челябинской области с заявлением о возмещении ему имущественного вреда, выразившегося в расходах на адвоката К.М.В., которая оказывала ему юридическую помощь при надзорном обжаловании приговора. Это заявление Г.Д.А. постановлением Снежинского городского суда Челябинской области от 01 апреля 2014 года не было принято к рассмотрению, а направлено по подсудности в Копейский городской суд Челябинской области. С данным решением суда Г.Д.А. не согласился и обжаловал его в апелляционном порядке. Апелляционным постановлением Челябинского областного суда от 06 июня 2014 года апелляционная жалоба заявителя была удовлетворена, постановление суда отменено, материал направлен на рассмотрение в Снежинский городской суд Челябинской области. В судебном заседании

суда апелляционной инстанции интересы реабилитированного на основании соглашения представляла адвокат К.М.В.

19 августа 2014 года Снежинский городской суд Челябинской области рассмотрел заявление Г.Д.А., поданное в порядке главы 18 УПК РФ, удовлетворив его требования о возмещении сумм, выплаченных им адвокату К.М.В. за оказание юридической помощи при надзорном обжаловании приговора. В судебном заседании 19 августа 2014 года интересы Г.Д.А. также на основании соглашения представляла адвокат К.М.В.

14 сентября 2015 года Г.Д.А. обратился в Снежинский городской суд Челябинской области с заявлением, поданным в порядке главы 18 УПК РФ. Заявитель просил в качестве возмещения имущественного вреда взыскать в его пользу 30000 рублей, которые им уплачены адвокату за участие в судебном заседании суда апелляционной инстанции, состоявшемся 06 июня 2014 года, а также взыскать в его пользу 30000 рублей, которые им уплачены адвокату за участие в судебном заседании суда первой инстанции, состоявшемся 19 августа 2014 года, о чем предоставил квитанции.

Между тем суд первой инстанции, утверждая, что заявленные Г.Д.А. требования не находятся в причинной связи с незаконным уголовным преследованием, не принял во внимание правовые нормы, регламентирующие вопросы реабилитации в уголовном судопроизводстве.

В частности, согласно правовой позиции, изложенной в определении Конституционного Суда РФ от 02 апреля 2015 года № 708-О, указано, что пп. 4 и 5 ч. 1 ст. 135 УПК РФ как по своему буквальному смыслу, так и по смыслу, придаваемому им правоприменительной практикой, обязывают суд включить в объем возмещения имущественного вреда, причиненного реабилитированному лицу в результате его незаконного уголовного преследования, все суммы, фактически выплаченные им за оказание юридической помощи, а также фактически понесенные им затраты на возмещение расходов, связанных с рассмотрением вопросов реабилитации. При этом по смыслу норм главы 18 УПК РФ и с учетом того толкования, которое дается им судебной практикой, возмещению подлежат лишь фактические расходы реабилитированного лица, которые непосредственно находятся в причинно-следственной связи с оказанием ему юридической помощи.

Допущенные судом второй инстанции нарушения уголовно-процессуального закона были признаны судом кассационной инстанции существенными, повлиявшими на исход дела, в связи с чем постановление суда апелляционной инстанции было признано незаконным и не соответствующим требованиям ч. 4 ст. 7 и ст. 389.28 УПК РФ.

Постановление президиума № 44у-133/2016

9. При принятии решения о прекращении уголовного дела в связи с примирением лица, совершившего преступление, с потерпевшим, суду надлежит всесторонне исследовать характер и степень общественной опасности содеянного, данные о личности подсудимого, иные обстоятельства дела.

Постановлением Златоустовского городского суда Челябинской области от 12 октября 2016 года К.А.В. освобожден от уголовной ответственности за совершение преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 264 УК РФ, с прекращением уголовного дела по основанию, предусмотренному ст. 25 УПК РФ – в связи с примирением сторон.

Апелляционным постановлением Челябинского областного суда от 01 декабря 2016 года постановление суда первой инстанции отменено, уголовное дело передано на новое судебное разбирательство.

В соответствии со ст. 25 УПК РФ суд вправе на основании заявления потерпевшего прекратить уголовное дело в отношении лица, обвиняемого в совершении преступления небольшой или средней тяжести в случаях, предусмотренных ст. 76 УК РФ, если это лицо примирилось с потерпевшим и загладило причиненный ему вред.

По уголовному делу в отношении К.А.В. суд апелляционной инстанции указал, что прекращение уголовного дела о преступлении, предусмотренном ст. 264 УК РФ, за примирением сторон является правом, а не обязанностью суда. Принимая решение, суду следует оценить, соответствует ли оно целям и задачам защиты прав и законных интересов личности, общества и государства.

Как следовало из материалов дела, прекращая уголовное дело в связи с примирением сторон, суд первой инстанции убедился в том, что в материалах уголовного дела имеются сведения о волеизъявлении потерпевшего Р.Д.С. не привлекать обвиняемого к уголовной ответственности и о том, что между ними достигнуто примирение, то есть ограничился установлением оснований, предусмотренных ст. 76 УК РФ.

При этом суд оставил без внимания фактические обстоятельства, установленные по делу, характер допущенных К.А.В. нарушений Правил дорожного движения, степень общественной опасности содеянного, а также данные о личности самого К.А.В., который с конца 2014 года на дату вынесения постановления 17 раз привлекался к административной ответственности за совершение правонарушений в сфере дорожного движения, в том числе за превышение скоростного режима, штрафы им не уплачены и все переданы на принудительное исполнение, по настоящему делу ДТП совершил в состоянии алкогольного опьянения, двигаясь с превышением скорости на мотоцикле, не поставленном на регистрационный учет. То есть суд первой инстанции не учел такие обстоятельства, которые существенным образом могли повлиять на его выводы.

При таких обстоятельствах постановление суда о прекращении уголовного дела в отношении К.А.В. судом апелляционной инстанции было

признано незаконным и необоснованным, поскольку такое решение не обеспечивает охрану прав и свобод человека и гражданина, общественного порядка и общественной безопасности от преступных посягательств, не способствует предупреждению преступлений, то есть не отвечает целям и задачам уголовного судопроизводства.

Апелляционное постановление № 10-5847/2016

10. В соответствии со ст. 441 УПК РФ рассмотрение уголовного дела о применении принудительных мер медицинского характера производится в общем порядке с изъятиями, предусмотренными гл.51 УПК РФ.

Постановлением Центрального районного суда г. Челябинска от 12 сентября 2016 года С.Д.В. освобожден от уголовной ответственности за совершение деяния, запрещенного уголовным законом, предусмотренного ч. 3 ст. 30, п. «Г» ч. 2 ст. 161 УК РФ, с применением к нему принудительной меры медицинского характера в виде принудительного лечения в медицинской организации, оказывающей психиатрическую помощь в стационарных условиях общего типа. Постановлено производство по уголовному делу прекратить.

Апелляционным определением Челябинского областного суда от 14 ноября 2016 года судебное решение отменено с передачей на новое судебное разбирательство.

В обоснование принятого решения указано, что судом первой инстанции не облюжены требования уголовно-процессуального закона, что повлекло нарушение прав сторон в ходе судебного разбирательства. По характеру и степени значимости допущенные нарушения являлись фундаментальными и не могли быть устранены судом апелляционной инстанции.

Как указано судом апелляционной инстанции, в нарушение требований ст. 443 УПК РФ, признав доказанным, что деяние, запрещенное уголовным законом, совершено С.Д.В. в состоянии невменяемости, суд вынес постановление, в котором принял два исключаящих друг друга решения - об освобождении С.Д.В. от уголовной ответственности и о применении к нему принудительной меры медицинского характера в соответствии со ст. 21 УК РФ, а также о прекращении производства по уголовному делу, которое само по себе предполагает освобождение лица не только от наказания, но и от мер уголовно-правового характера.

Также апелляционной инстанцией установлены и другие нарушения уголовно-процессуального закона. Так, лицу, в отношении которого ведется производство о применении принудительной меры медицинского характера, должно быть предоставлено право лично участвовать в судебном заседании, если его психическое состояние позволяет ему участвовать в судебном

заседании. Вместе с тем, в нарушение требований закона, а также требований ст. 271 УПК РФ, 02 августа 2016 года суд первой инстанции ходатайство законного представителя С.Д.В., заявленное в подготовительной части судебного заседания, об отложении судебного заседания не рассмотрел и фактически возложив на себя функцию стороны обвинения, огласил постановление следователя о направлении уголовного дела в суд для применения принудительной меры медицинского характера, после чего по собственной инициативе произвел допрос законного представителя.

Кроме того, суд неправильно установил последовательность выступления сторон в прениях, предоставив возможность выступить первыми защитнику и законному представителю С.Д.В. Согласно ч. 3 ст. 292 УПК РФ, последовательность выступлений участников прений сторон устанавливается судом. При этом первым во всех случаях выступает обвинитель, а последними - подсудимый и его защитник. Данный порядок, прежде всего, направлен на обеспечение интересов стороны защиты, которая выслушав все аргументы обвинения, в ходе выступления в прениях может привести контрдоводы.

06 сентября 2016 года судебное заседание продолжено с участием лица, в отношении которого ведется производство о принудительной мере медицинского характера – С.Д.В., при этом в нарушение требований ст. 265 УПК РФ личность последнего председательствующим не установлена.

В этом же судебном заседании, в нарушение требований ч. 2 ст. 281 УПК РФ, в отсутствие оснований для оглашения показаний потерпевшего и свидетеля по инициативе суда, председательствующий принял решение об оглашении показаний потерпевшего С.А.И. и свидетеля М.Д.В.

Ограничение гарантированных Уголовно-процессуальным кодексом РФ прав участников уголовного судопроизводства, несоблюдение процедуры судопроизводства повлияли на вынесение законного и обоснованного судебного решения, в связи с чем оно было отменено.

Апелляционное определение № 10-5226/2016

СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА ПО ГРАЖДАНСКИМ ДЕЛАМ

Споры, возникающие из договора страхования

1. Заключение владельцем автомобиля договора обязательного страхования гражданской ответственности с учетом ограниченного периода пользования транспортным средством не влияет на срок действия договора ОСАГО и не ограничивает право потерпевшего на получение страхового возмещения в порядке прямого возмещения убытков.

Б. обратилась в суд с иском к АО «СК ЮЖУРАЛ-АСКО» о взыскании страхового возмещения, штрафа, компенсации морального вреда.

В обоснование иска истец сослался на то, что произошло ДТП по вине водителя С., управлявшего автомобилем Хундай, совершившего столкновение с автомобилем ВАЗ 21124, под управлением К. В результате ДТП автомобиль ВАЗ 21124, принадлежащий Б. на праве собственности, получил механические повреждения. Гражданская ответственность виновника на момент ДТП была застрахована в АО «СК ЮЖУРАЛ-АСКО» по договору обязательного страхования гражданской ответственности владельцев транспортных средств (далее - договор ОСАГО), гражданская ответственность владельца автомобиля ВАЗ 21124 - Б. застрахована в ПАО СК «Росгосстрах».

Суд, частично удовлетворяя исковые требования Б., исходил из того, что действия водителя автомобиля Хундай - С. находятся в причинно-следственной связи с событием ДТП, вины К. в ДТП не установлено, оснований для прямого возмещения убытков у Б. не возникло, поскольку на момент ДТП автомобиль ВАЗ 21124 использовался за пределами установленного договором страхования периода использования транспортного средства, ответственность лица, управлявшего автомобилем ВАЗ 21124, – К. на момент ДТП не была застрахована по договору ОСАГО в установленном законом порядке.

Суд апелляционной инстанции, отменяя решение суда первой инстанции, исходил из следующего.

В соответствии с п. 1 ст. 14.1 Федерального закона «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств» от 25 апреля 2002 года № 40-ФЗ (далее - Закон об ОСАГО), потерпевший предъявляет требование о возмещении вреда, причиненного его имуществу, страховщику, который застраховал гражданскую ответственность потерпевшего, в случае наличия одновременно следующих обстоятельств: а) в результате ДТП вред причинен только транспортным средствам, указанным в подп. «б» настоящего пункта; б) ДТП произошло в результате взаимодействия (столкновения) двух транспортных средств (включая транспортные средства с прицепами к ним), гражданская ответственность владельцев которых застрахована в соответствии с настоящим Федеральным законом.

Согласно разъяснениям, содержащимся в п. 37 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29 января 2015 года № 2 «О применении судами законодательства об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств», при наличии условий, предусмотренных для осуществления страховой выплаты в порядке прямого возмещения убытков, потерпевший вправе обратиться с заявлением о страховой выплате только к страховщику, застраховавшему его гражданскую ответственность (п. 1 ст. 14.1 и п. 1 ст. 12 закона об ОСАГО).

Аналогичная позиция изложена и в Обзоре практики рассмотрения судами дел, связанных с обязательным страхованием гражданской

ответственности владельцев транспортных средств, утвержденном Президиумом Верховного Суда РФ 22 июля 2016 года.

Таким образом, действующее законодательство предусматривает безальтернативный порядок прямого возмещения убытков, то есть в случае ДТП при соблюдении условий, указанных в п. 1 ст. 14.1 Закона об ОСАГО, потерпевший всегда должен обращаться за выплатой страхового возмещения только в свою страховую компанию, застраховавшую его гражданскую ответственность.

В силу п. 1 ст. 10 Закона об ОСАГО, срок действия договора обязательного страхования составляет один год, за исключением случаев, для которых настоящей статьей предусмотрены иные сроки действия такого договора.

Из полиса ОСАГО, выданного ПАО СК «Росгосстрах» 03 октября 2015 года, усматривается, что гражданская ответственность собственника автомобиля ВАЗ 21124 - Б. застрахована на срок 03 октября 2015 года по 02 октября 2016 года, период использования транспортного средства указан с 03 октября 2015 года по 02 января 2016 года.

Кроме того, согласно сведениям с официального сайта Российского Союза Автостраховщиков, срок действия вышеуказанного полиса ОСАГО составляет 1 год – с 03 октября 2015 года по 02 октября 2016 года.

Из толкования ст. 6 Закона об ОСАГО, следует, что законодатель не предусматривает в качестве обстоятельства, которое не относится к страховым рискам, причинение вреда имуществу потерпевшего при использовании транспортного средства в период, не предусмотренный договором ОСАГО.

Положения п. 1 ст. 14.1 Закона об ОСАГО, регулирующие порядок и условия прямого возмещения убытков, также не содержат каких-либо исключений для владельцев транспортных средств, заключивших договоры обязательного страхования своей ответственности с учетом ограниченного использования транспортных средств в соответствии со ст. 6 данного закона. Поэтому заключение такого договора ОСАГО с учетом ограниченного использования транспортных средств не влияет на срок действия договора ОСАГО, который в силу п. 1 ст. 10 вышеуказанного закона составляет один год, и не ограничивает право потерпевшего на получение страхового возмещения в порядке прямого возмещения убытков.

Таким образом, на момент ДТП гражданская ответственность собственника автомобиля ВАЗ 21124 – Б. была застрахована по договору ОСАГО в ПАО СК «Росгосстрах».

Поскольку на момент ДТП гражданская ответственность как владельца автомобиля Хундай С., так и собственника автомобиля ВАЗ 21124 – Б. была застрахована по договорам ОСАГО, при этом вред причинен только транспортным средствам, а действующее законодательство предусматривает безальтернативный порядок прямого возмещения убытков, то потерпевший вправе обратиться с заявлением о страховой выплате только к страховщику, застраховавшему его гражданскую ответственность, соответственно, у АО

«СК ЮЖУРАЛ-АСКО», как страховой компании причинителя вреда, не возникло обязанности по выплате страхового возмещения.

Указанные обстоятельства свидетельствуют о том, что АО «СК ЮЖУРАЛ-АСКО» является ненадлежащим ответчиком по настоящему делу.

Апелляционное определение № 11-15653/2016

2. Отказ в выплате страхового возмещения по договору добровольного страхования по основанию отсутствия страхового случая может быть признан правомерным только при установлении судом несоответствия случившегося события ни одному из предусмотренных договором страховых событий.

И. обратилась в суд с иском к ООО СК «Сбербанк Страхование жизни» о признании случая (установление инвалидности 1 группы) страховым, взыскании в пользу выгодоприобретателя (ОАО «Сбербанк России», предоставившего ей по кредитному договору кредит для приобретения квартиры) страхового возмещения по заключенному с ответчиком договору личного страхования, а также компенсации морального вреда, штрафа.

ОАО «Сбербанк России» обратилось в суд с иском к И., С. о солидарном взыскании задолженности по кредитному договору, обращении взыскания на заложенную в обеспечение обязательств по кредитному договору квартиру, принадлежащую на праве собственности И. и И.В.И., с установлением начальной продажной цены.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения судом апелляционной инстанции, удовлетворены исковые требования ОАО «Сбербанк России», в удовлетворении исковых требований И. отказано.

Президиум, отменяя апелляционное определение, указал, что выводы суда свидетельствуют о существенном нарушении норм материального и процессуального права.

И. обратилась с заявлением о страховании жизни и здоровья на условиях Программы коллективного добровольного страхования жизни и здоровья, согласно которым, к страховым рискам отнесены: смерть застрахованного по любой причине, смерть застрахованного в результате авиакатастрофы или железнодорожной катастрофы, инвалидность 1 и 2 группы по любой причине.

Приложением № 1 к Условиям участия в Программе коллективного добровольного страхования жизни и здоровья заемщиков ОАО «Сбербанк России», на которых заключен договор страхования, как исключение из страховых случаев, предусмотрена инвалидность, наступившая вследствие профессионального или общего заболевания, имевшегося у застрахованного до даты заключения договора страхования (п. 1.10 Приложения № 1). Указанным Приложением под заболеванием предусмотрено любое нарушение состояния здоровья, не вызванное несчастным случаем, впервые

диагностированное на основании объективных симптомов после вступления договора страхования в силу. Выгодоприобретателем по рискам инвалидность 1 и 2 группы условиями договора страхования определено ОАО «Сбербанк России», период страхования установлен с 16 мая 2014 года по 15 мая 2015 года.

15 августа 2014 года И. установлена 1 группа инвалидности.

Страховщик отказал И. в признании данного случая страховым, сославшись на наступление у нее инвалидности, установленной в период действия договора, вследствие заболевания, имевшего место до заключения договора страхования.

Основанием для выплаты обусловленной договором личного страхования страховой суммы в силу п. 1 ст. 934 Гражданского кодекса РФ является причинение вреда жизни или здоровью застрахованного лица, достижение им определенного возраста или наступление в его жизни иного предусмотренного договором события (страхового случая).

Суд первой инстанции, отказывая в удовлетворении требований И., исходил из того, что инвалидность установлена в связи с заболеванием, которое впервые возникло и было диагностировано до присоединения истца к программе страхования, о чем она не указала в заявлении о страховании, поэтому оснований для признания страховым случаем факта установления И. инвалидности 1 группы не имеется.

Установив наличие просроченной задолженности по возврату кредита и уплате процентов за пользование им, суд взыскал досрочно всю сумму непогашенного кредита с причитающимися процентами и неустойкой солидарно с заемщика и поручителя, обратив взыскание на заложенную квартиру.

Судебная коллегия согласилась с выводом суда об отсутствии оснований для выплаты страхового возмещения, однако в обоснование отказа в выплате страхового возмещения исходила из другого обстоятельства – необоснованности установления И. инвалидности 1 группы. При этом судебная коллегия согласилась с опровергающим выводом суда первой инстанции и доводы страховщика заключением судебно-медицинской экспертизы об отсутствии в медицинской документации И. до момента страхования сведений о заболеваниях, повлекших установление ей инвалидности. Этим же заключением сделан вывод о необоснованности установления истце 1 группы инвалидности.

Выводов о необоснованности направления И. на освидетельствование в МСЭ экспертное заключение не содержит, однако вопрос о наличии либо отсутствии данных для установления ей инвалидности 2 группы в связи с возникшим в период страхования заболеванием экспертами не исследовался и судом не был поставлен на обсуждение, несмотря на то, что по условиям договора страхования страховым случаем является наступление инвалидности не только первой, но и второй группы.

Таким образом, соглашаясь с выводом суда об отсутствии страхового случая, но в силу других фактических обстоятельств, которые в суде первой

инстанции не проверялись, суд апелляционной инстанции в нарушение норм процессуального права не определил и не установил эти обстоятельства как юридически значимые, не поставил их на обсуждение сторон, не предложил представить дополнительные доказательства.

Кроме того, суд не принял во внимание, что правильность установления инвалидности 1 группы в августе 2014 года комиссия экспертов проверяла, руководствуясь приказом Минтруда России от 17 декабря 2015 года № 1024н «О классификациях и критериях, используемых при осуществлении медико-социальной экспертизы граждан федеральными государственными учреждениями медико-социальной экспертизы», согласно которому критерием для установления 1 группы инвалидности является нарушение здоровья человека с IV степенью выраженности стойких нарушений функций организма человека.

Между тем, на момент освидетельствования И. действовал приказ Минздравсоцразвития Российской Федерации от 23 декабря 2009 года № 1013н, согласно которому критерием для определения 1 группы инвалидности является нарушение здоровья человека со стойким значительно выраженным расстройством функций организма, обусловленное заболеваниями, последствиями травм или дефектами, приводящее к ограничениям, в том числе способности к передвижению третьей степени.

Однако в экспертном заключении не указано мотивов, по которым комиссия экспертов руководствовалась критериями, введенными в действие значительно позднее момента освидетельствования, а в апелляционном определении не дана оценка данному обстоятельству.

Постановление президиума № 44г-70/2016

Споры, возникающие из земельных правоотношений

3. Не могут быть удовлетворены исковые требования о признании недействительным общего собрания и принятых общим собранием уполномоченных СНТ решений, предъявленные к ответчику, как к физическому лицу, который не являлся инициатором общего собрания, решения которого оспариваются, поскольку надлежащим ответчиком по вышеуказанным требованиям должно быть СНТ.

П. обратился с иском к Г. о признании недействительным общего собрания уполномоченных СНТ от 27 февраля 2016 года, отмене принятых на собрании решений, обязанности ответчика возратить в кассу СНТ денежные средства на нелегитимное собрание. В обоснование своих требований истец ссылаясь на отсутствие необходимого кворума для признания решений, принятых на собрании, легитимными.

Суд принял решение о частичном удовлетворении исковых требований, признал недействительным общее отчетно-выборное собрание

уполномоченных и членов СНТ, оформленное протоколом от 27 февраля 2016 года, в удовлетворении остальной части требований истцу отказал.

Судебная коллегия не согласилась с выводами суда в этой части и исходила из следующего.

Разрешая спор по существу и частично удовлетворяя исковые требования П., суд первой инстанции исходил из того, что на состоявшемся 27 февраля 2016 года общем собрании уполномоченных СНТ отсутствовал необходимый кворум для принятия решений.

Указанный вывод суда первой инстанции подтвержден материалами дела. В то же время, судом были удовлетворены требования П., предъявленные к Г., как к физическому лицу, который инициатором общего собрания, решения которого оспариваются истцом, не являлся, при этом СНТ к участию в деле в качестве ответчика привлечено не было.

В соответствии с положениями ст.ст. 40, 41 Гражданского процессуального кодекса РФ суд рассматривает дело по предъявленному иску и при подтверждении в судебном заседании факта предъявления исковых требований к ненадлежащему ответчику выносит решение об отказе в иске. Суд обязан разрешить дело по тому иску, который предъявлен, и только в отношении тех ответчиков, которые указаны истцом. Только в случае невозможности рассмотрения дела без участия соответчика или соответчиков в связи с характером спорного правоотношения суд привлекает его или их к участию в деле по своей инициативе.

Учитывая предмет спора и характер возникших правоотношений, надлежащим ответчиком по требованию о признании недействительным общего собрания и принятых общим собранием уполномоченных СНТ решений должно являться именно СНТ, судебной коллегией отменено решение суда первой инстанции в этой части, с принятием нового решения об отказе в удовлетворении таких требований, предъявленных к ненадлежащему ответчику.

Апелляционное определение № 11-15953/2016

4. При приостановлении осуществления кадастрового учета гаража, расположенного в блоке гаражей, в связи с отсутствием технического плана, требование к органу местного самоуправления о признании гаража объектом капитального строительства является ненадлежащим способом защиты нарушенных прав, а орган местного самоуправления - ненадлежащим ответчиком по делу.

Н. обратилась в суд с иском к администрации о признании объектом капитального строительства гаража, расположенного в блоке № 2 в Гаражном специализированном потребительском кооперативе (далее ГСПК).

В обоснование исковых требований Н. сослалась на то, что при обращении в орган кадастрового учета с заявлением о постановке на

кадастровый учет гаража, ей было отказано, поскольку не представлены необходимые документы - технический план или разрешение на ввод объекта в эксплуатацию. При обращении за составлением технического плана, ей также было отказано ввиду невозможности подготовки технического плана без постановки объекта на кадастровый учет.

Разрешая спор и удовлетворяя исковые требования, суд первой инстанции указал на то, что гараж, принадлежащий истице, не является частью здания, а является самостоятельным объектом недвижимости, кроме того, что отказом в постановке на государственный кадастровый учет гаража ущемляются права истца, неосуществление кадастрового учета всего блока № 2 гаражей в ГСПК не может повлиять на право истца по постановке гаража на кадастровый учет.

Судебная коллегия не согласилась с такими выводами суда первой инстанции, указав на избрание истцом ненадлежащего способа судебной защиты.

Судом установлено, что решением ФГБУ «ФКП Росреестра» приостановлено осуществление кадастрового учета указанного гаража в связи с отсутствием технического плана. В подготовке технического плана ей было отказано ввиду необходимости постановки на кадастровый учет здания (блок № 2), в котором расположено помещение (гараж № 83), без постановки на кадастровый учет здания подготовить технический план на помещение не представляется возможным.

Согласно п. 3 ч. 1 ст. 22 Федерального закона от 24 июля 2007 года N 221-ФЗ «О государственном кадастре недвижимости» (далее - Закон о кадастре недвижимости), если иное не следует из настоящего Федерального закона, необходимые для кадастрового учета документы представляются заявителем вместе с заявлением. Необходимым для кадастрового учета документом является технический план здания, сооружения, помещения либо объекта незавершенного строительства (при постановке на учет такого объекта недвижимости, учете его части или учете его изменений, за исключением кадастрового учета в связи с изменением указанных в пункте 15 или 16 части 2 статьи 7 настоящего Федерального закона сведений о таком объекте недвижимости).

Согласно положениям ч. 4 ст. 25 Закона о кадастре недвижимости, если здание или сооружение не поставлено на учет, постановка на учет помещения, расположенного в таком здании или сооружении, осуществляется при условии одновременной постановки на учет такого здания или сооружения. В этом случае представляются одно заявление о постановке на учет указанного помещения и такого здания или сооружения и необходимые для кадастрового учета документы.

Поскольку Н. не оспаривает действия ФГБУ «ФКП Росреестра» по приостановлению кадастрового учета, иск не содержит требование об осуществлении кадастрового учета, соответствующие лица не привлечены к участию в деле в качестве ответчиков, а действия ответчика не нарушают прав собственника гаража, то администрация является ненадлежащим

ответчиком по делу. Кроме того, заявленный иск о признании гаража объектом капитального строительства не восстановит прав истца, поскольку не влечет осуществление кадастрового учета в отношении спорного объекта недвижимости. В соответствии с Законом о кадастре осуществляется кадастровый учет земельных участков, зданий, сооружений, помещений, объектов незавершенного строительства, а не объектов капитального строительства.

Апелляционное определение № 11-17485/2016

Споры, возникающие из трудовых и социальных правоотношений

5. Увольнение сотрудника из органов внутренних дел со дня фактического заключения под стражу соответствует требованиям части 11 статьи 82 Федерального закона от 30 ноября 2011 года № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» и является обстоятельством, препятствующим его службе в органах внутренних дел, вне зависимости от даты вступления в законную силу приговора суда.

В. обратился в суд с иском к Федеральному государственному казенному учреждению «Управление вневедомственной охраны Главного управления Министерства внутренних дел Российской Федерации по Челябинской области» (далее - ФГКУ УВО ГУ МВД России по Челябинской области) о признании приказа об увольнении незаконным, изменении формулировки увольнения, взыскании выходного пособия.

Требования обосновал тем, что приказом от 12 января 2016 года уволен со службы в связи с осуждением за преступление. Считал увольнение незаконным, поскольку на момент увольнения приговор суда от 26 октября 2015 года не вступил в законную силу. Кроме того, 06 августа 2015 года истцом было получено уведомление о предстоящем увольнении в связи с сокращением его должности, поэтому полагал, что должен быть уволен в связи с сокращением должности.

Суд первой инстанции, отказывая в удовлетворении исковых требований В., исходил из того, что наличие в отношении В. приговора суда исключает возможность дальнейшего осуществления им обязанностей, связанных со службой в органах внутренних дел, приказ о сокращении должности истца не издавался, на день вступления в законную силу приговора суда В. находился под стражей, в связи с чем истец правомерно уволен работодателем со дня его заключения под стражу - 26 октября 2015 года.

Судебная коллегия, соглашаясь с выводами суда первой инстанции об обоснованности увольнения В. по пункту 7 части 3 статьи 82 Федерального закона от 30 ноября 2011 года № 342-ФЗ и отсутствию оснований для изменения формулировки увольнения на увольнение в связи с сокращением должности, указала на несогласие с решением суда в части отказа истцу в удовлетворении требования о признании незаконным приказа от 12 января 2016 года об увольнении В., в этой части решение суда отменила и приняла новое решение о признании указанного приказа незаконным в части даты увольнения В. - 26 октября 2015 года, указав, что следует считать правильной датой его увольнения 21 декабря 2015 года; в остальной части в удовлетворении данного требования отказано. При этом исходила из того, что приговор суда от 26 октября 2015 года вступил в законную силу в день вынесения апелляционного определения от 21 декабря 2015 года, которым истец освобожден из-под стражи, указав, что на день вступления в законную силу приговора В. под стражей не находился и датой его увольнения следует считать 21 декабря 2015 года.

С данными выводами судебной коллегии не согласился президиум Челябинского областного суда.

Судом установлено, что истец, проходивший службу в органах внутренних дел, приговором суда от 26 октября 2015 года признан виновным в совершении преступления, предусмотренного пунктом «а» части 3 статьи 286 Уголовного кодекса Российской Федерации, и ему назначено наказание в виде трех лет лишения свободы с лишением права занимать должности на государственной службе и в правоохранительных органах на срок два года. Мера пресечения изменена на заключение под стражу, В. взят под стражу в зале суда 26 октября 2015 года. Срок наказания исчислен судом с 26 октября 2015 года.

Приказом начальника ФГКУ УВО ГУ МВД России по Челябинской области от 05 ноября 2015 года на основании приговора суда от 26 октября 2015 года В. временно отстранен от выполнения служебных обязанностей на период заключения под стражу с 26 октября 2015 года, с прекращением ему выплаты денежного довольствия.

Апелляционным определением от 21 декабря 2015 года приговор суда изменен, назначенное В. наказание определено считать условным. Мера пресечения в виде заключения под стражу судом апелляционной инстанции изменена, В. освобожден из-под стражи. В остальной части приговор в отношении В. оставлен без изменения.

Приказом начальника ФГКУ УВО ГУ МВД России по Челябинской области от 12 января 2016 года В., находящийся в распоряжении ФГКУ УВО ГУ МВД России по Челябинской области, уволен со службы по пункту 7 части 3 статьи 82 Федерального закона от 30 ноября 2011 года № 342-ФЗ (в связи с осуждением сотрудника за преступление), контракт с ним расторгнут с 26 октября 2015 года.

В соответствии с положениями Федерального закона от 30 ноября 2011 года № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» регулируется порядок и условия прохождения службы в органах внутренних дел Российской Федерации.

Согласно пункту 7 части 3, части 11 статьи 82 названного Федерального закона контракт подлежит расторжению, а сотрудник органов внутренних дел увольнению со службы в органах внутренних дел в связи с осуждением сотрудника за преступление. Контракт с сотрудником органов внутренних дел, осужденным за преступление, расторгается после вступления в законную силу приговора суда. Если на день вступления в законную силу приговора суда сотрудник находился под стражей, контракт расторгается со дня фактического заключения сотрудника под стражу.

Конституционным Судом Российской Федерации в постановлении от 06 июня 1995 года № 7-П разъяснено, что служба в органах внутренних дел является особым видом государственной службы, направлена на реализацию публичных интересов, что предопределяет наличие у сотрудников, проходящих службу в этих органах, специального правового статуса, обусловленного выполнением конституционно значимых функций по обеспечению правопорядка и общественной безопасности. Законодатель, определяя правовой статус сотрудников, проходящих службу в органах внутренних дел, вправе устанавливать для этой категории граждан особые требования, в том числе к их личным и деловым качествам, и особые обязанности, обусловленные задачами, принципами организации и функционирования органов внутренних дел, а также специфическим характером деятельности указанных лиц.

Изменение судом апелляционной инстанции даты расторжения контракта истца противоречит интересам особого вида государственной службы, поскольку влечет необоснованное включение периода его фактического нахождения под стражей с 26 октября 2015 года по 21 декабря 2015 года в срок службы (выслугу лет) в органах внутренних дел.

Увольнение истца из органов внутренних дел с 26 октября 2015 года, то есть со дня фактического заключения под стражу, соответствует требованиям части 11 статьи 82 Федерального закона от 30 ноября 2011 года № 342-ФЗ, согласно которым увольнение сотрудника со дня фактического заключения под стражу носит безусловный характер и является обстоятельством, препятствующим его службе в органах внутренних дел, вне зависимости от даты вступления в законную силу приговора суда.

Кроме того, тот факт, что в день вступления приговора в законную силу В. был освобожден из-под стражи, на изменение указанной в приказе от 12 января 2016 года даты расторжения контракта повлиять не может. На день рассмотрения уголовного дела в отношении В. судебной коллегией по уголовным делам (21 декабря 2015 года) истец находился под стражей, что

является основанием для установления даты его увольнения со дня заключения под стражу.

Постановление президиума № 44г-72/2016

Споры, возникающие из семейных отношений

6. Обязанность одного из супругов выплатить другому супругу проценты за пользование чужими денежными средствами в случае продажи имущества, находящегося в совместной собственности, возникает с момента вступления в законную силу решения суда, которым разрешен спор о разделе совместно нажитого имущества супругов.

Решением суда удовлетворен иск К.Г.Н. о взыскании с К.Д.А. (бывшего супруга) процентов за пользование чужими денежными средствами за период с 01 августа 2013 года по 22 июля 2016 года. Удовлетворяя иск, суд первой инстанции исходил из того, что ответчик в феврале 2013 года без участия истца продал приобретенную супругами в период брака квартиру, половину вырученных от продажи этой квартиры денежных средств истцу не передал, следовательно, ответчик с момента продажи квартиры (с февраля 2013 года) незаконно пользовался денежными средствами, принадлежащими истцу, в связи с чем К.Г.Н. имеет право на взыскание с К.Д.А. процентов за пользование чужими денежными средствами за весь заявленный ею в иске период.

Однако, разрешая спор, суд первой инстанции не учел, что взыскание процентов в соответствии со ст.395 Гражданского кодекса РФ возможно только при неисполнении или просрочке исполнения денежного обязательства.

Между тем, обязанность ответчика по уплате истцу половины вырученных от продажи квартиры денежных средств, возникла у него на основании решения суда от 01 апреля 2016 года о разделе имущества супругов, вступившего в законную силу 27 июня 2016 года.

До вступления указанного решения суда в законную силу отношения между сторонами регулировались семейным законодательством.

Положениями главы 7 Семейного кодекса РФ не предусмотрена безусловная обязанность одного из супругов при продаже имущества, находящегося в совместной собственности, выплатить другому супругу денежную компенсацию в размере $\frac{1}{2}$ доли.

Возникший между супругами спор относительно имущества, находящегося в совместной собственности, подлежит разрешению в порядке ст. ст. 38, 39 Семейного кодекса РФ.

Поскольку такой спор между истцом и ответчиком был разрешен

решением суда от 01 апреля 2016 года, только этим решением суда была установлена обязанность К.Д.А. выплатить К.Г.Н. денежную компенсацию, то проценты, предусмотренные ст. 395 Гражданского кодекса РФ подлежат взысканию с ответчика лишь с момента вступления в законную силу решения суда о разделе имущества супругов (27 июня 2016 года).

Учитывая, что решение суда от 01 апреля 2016 года ответчик исполнил 22 июля 2016 года, определением судебной коллегии был изменен период взыскания с ответчика в пользу истца процентов за пользование чужими денежными средствами (с 27 июня 2016 года по 21 июля 2016 года) и, соответственно, сумма взыскания.

Апелляционное определение № 11-15887/2016

7. В случае заключения одним из супругов договора займа или совершения иной сделки, связанной с возникновением долга, такой долг может быть признан общим лишь при наличии обстоятельств, вытекающих из п. 2 ст. 45 Семейного кодекса РФ, бремя доказывания которых лежит на стороне, претендующей на распределение долга.

Решением суда был разрешен спор между К.С.Т. и К.С.А. о разделе совместно нажитого в браке имущества и совместных долгов. Общим имуществом супругов признаны земельный участок, объект незавершенного строительства жилого дома, трехкомнатная квартира, учтена стоимость проданного автомобиля. В собственность супруга К.С.А. переданы земельный участок и объект незавершенного строительства жилого дома, а в собственность супруги К.С.Т. - трехкомнатная квартира. С супруга К.С.А. в пользу супруги К.С.Т. взыскана денежная компенсация разницы в стоимости причитающейся ей доли в общем имуществе. В иске К.С.А. о признании долга по кредитному договору общим обязательством супругов и его распределении судом отказано.

Отказывая К.С.А. в иске о признании долга по кредитному договору, заключенному между ним и Банком в период брака, общим обязательством супругов и его распределении, суд первой инстанции исходил из недоказанности К.С.А. факта получения кредита с согласия супруги и расходования заемных денежных средств на нужды семьи. К.С.Т., возражая против признания общим долгом бывших супругов обязательств К.С.А. по кредитному договору, указывала на то, что о получении К.С.А. кредита ей известно не было, строительство дома велось на денежные накопления семьи.

Судом апелляционной инстанции решение суда в части отказа К.С.А. в иске о взыскании денежных средств по исполненным кредитным обязательствам и в части взыскания с К.С.Т. в пользу К.С.А. денежной компенсации за превышение причитающейся ей стоимости доли имущества отменено. Принято в указанной части новое решение о взыскании с К.С.Т. в

пользу К.С.А. денежной компенсации. Принимая такое решение, судебная коллегия исходила из презумпции общности имущества супругов, что, в свою очередь, предполагает получение кредита в период брака с согласия второго супруга и расходование денежных средств в интересах всей семьи. Так как кредитный договор был заключен в период брака, из пояснений К.С.А. следовало, что кредит получен по совместному желанию супругов в интересах всей семьи с целью строительства дома, и не было доказано обратное, судебная коллегия пришла к выводу, что имевшаяся после расторжения брака задолженность К.С.А. по кредитному договору является общим долгом супругов К. и подлежит разделу между ними. Также судебная коллегия сослалась на то, что часть кредитных обязательств погашалась супругами в период брака, а утверждение К.С.Т. о том, что ей не было известно о получении супругом кредитных средств, опровергается договором поручительства банка с К.С.Т.

Отменяя апелляционное определение в части отмены решения суда первой инстанции и оставляя в силе указанное решение суда, президиум Челябинского областного суда указал, что выводы суда свидетельствуют о неправильном толковании норм материального права.

Так, из материалов дела следовало, что за три месяца до расторжения между сторонами брака, по кредитному договору, заключенному с ОАО «Сбербанк России», К.С.А. получил кредит на сумму 250 000 руб., сроком на 5 лет, кредит погашен досрочно 21 декабря 2013 года. За период с 17 июля 2012 года по 21 декабря 2013 года К.С.А. выплатил 169 608,48 руб., которые предъявил к разделу.

В соответствии с положениями п. 1 ст. 39 Семейного кодекса РФ при разделе общего имущества супругов и определении долей в этом имуществе доли супругов признаются равными, если иное не предусмотрено договором между супругами. Общие долги супругов при разделе общего имущества супругов распределяются между супругами пропорционально присужденным им долям (п. 3 указанной статьи).

Согласно п. 2 ст. 45 Семейного кодекса РФ взыскание обращается на общее имущество супругов по общим обязательствам супругов, а также по обязательствам одного из супругов, если судом установлено, что все полученное по обязательствам одним из супругов было использовано на нужды семьи.

В силу п. 2 ст. 35 Семейного кодекса РФ, п. 2 ст. 253 Гражданского кодекса РФ согласие супруга на действия другого супруга по распоряжению общим имуществом предполагается.

Однако положения о том, что такое согласие предполагается также в случае возникновения денежных обязательств у одного из супругов, указанные правовые положения не содержат.

Кроме того, п. 1 ст. 45 Семейного кодекса РФ, п. 3 ст. 308 Гражданского кодекса РФ допускают существование у каждого из супругов собственных обязательств, которые не создают обязанностей для супруга, не участвующего в нем в качестве стороны.

По смыслу приведенных выше правовых норм для распределения долга в соответствии с п. 3 ст. 39 Семейного кодекса РФ обязательство должно являться общим, то есть возникнуть по инициативе обоих супругов в интересах семьи, либо являться обязательством одного из супругов, по которому все полученное было использовано на нужды семьи.

Таким образом, в случае заключения одним из супругов договора займа или совершения иной сделки, связанной с возникновением долга, такой долг может быть признан общим лишь при наличии обстоятельств, вытекающих из п. 2 ст. 45 Семейного кодекса РФ, бремя доказывания которых лежит на стороне, претендующей на распределение долга.

В соответствии с ч. 2 ст. 56 Гражданского процессуального кодекса РФ суд определяет, какие обстоятельства имеют значение для дела, какой стороне надлежит их доказывать, выносит обстоятельства на обсуждение, даже если стороны на какие-либо из них не ссылались.

Из изложенного следует, что К.С.А. является заемщиком денежных средств, следовательно, именно он должен был доказать, что кредит был взят с согласия К.С.Т. и все полученные денежные средства были использованы в интересах семьи, как он утверждал, на осуществленное в период брака строительство дома.

В данном случае возложение апелляционным судом на К.С.Т. бремени доказывания факта того, что она не знала о кредите и что полученные по договору займа денежные средства были использованы К.С.А. на иные цели, а не на семейные нужды, противоречит действующему законодательству. Поэтому вывод суда апелляционной инстанции о том, что К.С.Т. было известно о заключении ее супругом кредитного договора, и о том, что полученные по кредиту денежные средства были использованы в интересах семьи, не основаны на исследованных по делу доказательствах.

Постановление президиума № 44г-63/2016

8. При разрешении требования о взыскании алиментов на несовершеннолетнего ребенка одновременно в долях и в твердой денежной сумме основным критерием при определении размера алиментов является максимально возможное сохранение ребенку прежнего уровня его обеспечения.

Ф. обратилась в суд с иском к М. о взыскании алиментов на содержание несовершеннолетнего ребенка М.А.С. одновременно в долях и в твердой денежной сумме, то есть, в размере $\frac{1}{4}$ части заработка, составляющем 2 075 руб., и в твердой денежной сумме, составляющей 30% от 9 740 руб. - величины прожиточного минимума для детей в Челябинской области в первом квартале 2015 года, установленной постановлением Губернатора Челябинской области от 15 апреля 2015 года № 101, то есть 2 922 руб.

В обоснование иска указала, что по нотариальному соглашению от 15 декабря 2010 года, заключенному на срок по декабрь 2013 года, ответчик уплачивал алименты на содержание ребенка по 5 000 руб. ежемесячно, после окончания этого срока в период с января до августа 2014 года продолжал уплачивать алименты, однако с августа 2014 года перестал платить алименты. Ответчик в браке не состоит, других детей не имеет, каждый год ездит отдыхать за границу.

Решением мирового судьи, оставленным без изменения апелляционным определением городского суда, с М. в пользу Ф. взысканы алименты на содержание несовершеннолетнего сына М.А.С. в размере $\frac{1}{4}$ части всех видов заработка и (или) иного дохода ежемесячно, начиная с 21 мая 2015 года и до совершеннолетия ребенка. В остальной части иска отказано.

Президиум, отменяя апелляционное определение и направляя дело на новое апелляционное рассмотрение, указал, что выводы суда свидетельствуют о существенном нарушении норм материального права.

В соответствии с положениями п. 1 ст. 83 Семейного кодекса РФ при отсутствии соглашения родителей об уплате алиментов на несовершеннолетних детей и в случаях, если родитель, обязанный уплачивать алименты, имеет нерегулярный, меняющийся заработок и (или) иной доход, либо если этот родитель получает заработок и (или) иной доход полностью или частично в натуре или в иностранной валюте, либо если у него отсутствует заработок и (или) иной доход, а также в других случаях, если взыскание алиментов в долевом отношении к заработку и (или) иному доходу родителя невозможно, затруднительно или существенно нарушает интересы одной из сторон, суд вправе определить размер алиментов, взыскиваемых ежемесячно, в твердой денежной сумме или одновременно в долях (в соответствии со статьей 81 настоящего Кодекса) и в твердой денежной сумме.

Согласно п. 2 ст. 83 Семейного кодекса РФ размер твердой денежной суммы определяется судом исходя из максимально возможного сохранения ребенку прежнего уровня его обеспечения с учетом материального и семейного положения сторон и других заслуживающих внимания обстоятельств.

Как следует из материалов дела и установлено судом, Ф. и М. имеют несовершеннолетнего сына М.А.С., проживающего с истцом, Ф. и М. в юридическом браке не состояли, в декабре 2010 года между ними заключено нотариальное соглашение об уплате алиментов, согласно которым М. с декабря 2010 года по декабрь 2013 года уплачивает Ф. алименты на содержание несовершеннолетнего сына в размере по 5 000 руб. ежемесячно. После окончания срока данного соглашения ответчик продолжал уплачивать алименты на содержание несовершеннолетнего сына, затем прекратил выплату алиментов. М. в суде заявил о согласии выплачивать алименты только в долях, то есть в размере $\frac{1}{4}$ части заработка, указав, что имеет постоянный заработок в сумме 8 300 руб. в месяц.

Разрешая спор, суд первой инстанции, а с ним согласился и суд апелляционной инстанции, исходил из того, что М. имеет регулярный неменяющийся заработок, и взыскание с него алиментов только в долях не нарушит интересы ребенка.

При этом судом первой и апелляционной инстанции не установлено и М. не указал на ухудшение своего материального положения, а также наличие других заслуживающих внимания обстоятельств, исключающих возможность сохранения ребенку прежнего уровня обеспечения.

Таким образом, судом первой и апелляционной инстанции не учтено, что при разрешении требования о взыскании алиментов на несовершеннолетнего ребенка одновременно в долях и в твердой денежной сумме основным критерием при определении размера алиментов является максимально возможное сохранение ребенку прежнего уровня его обеспечения (п. 2 ст. 83 Семейного кодекса РФ). При этом должно учитываться имущественное положение до момента прекращения одним из родителей выплаты средств на содержание ребенка в добровольном порядке (по соглашению сторон) при раздельном проживании родителей. В этом случае за основу принимается размер денежной суммы, которая выплачивалась родителем на содержание ребенка (Обзор судебной практики по делам, связанным со взысканием алиментов на несовершеннолетних детей, а также на нетрудоспособных совершеннолетних детей, утвержденный Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 13 мая 2015 года).

Постановление президиума № 44г-66/2016

Споры, возникающие из жилищных правоотношений

9. При продаже жилого помещения приватизировавшими его лицами и приобретении ими на вырученные деньги другого жилого помещения бессрочное право пользования лица, отказавшегося от приватизации проданного жилого помещения, на вновь приобретенное жилое помещение не переходит.

К.Л.С. обратилась в суд с иском к К.П.И. о выселении из квартиры № 187. В обоснование требований истец указала, что является собственником спорной квартиры на основании договора купли-продажи от 12 мая 2008 г. К.П.И. не является членом ее семьи, на требование освободить жилое помещение и сняться с регистрационного учета отказывается, не оплачивает коммунальные платежи.

К.П.И. предъявил встречные исковые требования к К.Л.С. об определении ему $\frac{1}{2}$ доли в праве собственности на спорную квартиру, возложении обязанности на К.Л.С. обеспечить его другим жилым помещением, соответствующим $\frac{1}{2}$ доли указанной квартиры, до исполнения обязательств по обеспечению жильем, сохранить за ним право пользования

спорной квартирой. В обоснование встречных требований сослался на то, что он с К.Л.С. состоял в зарегистрированном браке с 1995 года по 2002 года, указанная квартира была приобретена на совместные денежные средства, а именно, кредитные средства и средства от продажи двухкомнатной квартиры №138, которая была приватизирована на имя К.Л.С. и их детей, он отказался от участия в приватизации. В период совместного проживания до августа 2015 г. он полагал режим имущества совместным, а доли равными. В этот период, за исключением последних полутора лет, связанных с операцией и инвалидностью, он работал, получал доход, который являлся основой для приобретения имущества, оплаты ипотечного кредита.

Суд отказал в удовлетворении исковых требований К.Л.С., частично удовлетворил встречные исковые требования К.П.И., признал за К.П.И. право бессрочного пользования квартирой № 187.

Признавая за К.П.И. право бессрочного пользования квартирой № 187 суд первой инстанции, руководствуясь положениями ст. 19 Федерального закона «О введении в действие Жилищного кодекса Российской Федерации», исходил из того, что К.П.И. был вселен в спорную квартиру в качестве члена семьи собственника на тех же условиях, на которых проживал в квартире № 138, которая была приватизирована и где К.П.И. отказался от участия в приватизации.

Судебная коллегия не согласившись с выводом суда первой инстанции о признании за К.П.И. права бессрочного пользования квартирой № 187, исходила из следующего.

В соответствии с ч. 4 ст. 31 Жилищного кодекса РФ в случае прекращения семейных отношений с собственником жилого помещения право пользования данным жилым помещением за бывшим членом семьи собственника этого жилого помещения не сохраняется, если иное не установлено соглашением между собственником и бывшим членом его семьи.

В силу ст. 19 Федерального закона «О введении в действие Жилищного кодекса Российской Федерации» действие положений ч. 4 ст. 31 Жилищного кодекса РФ не распространяется на бывших членов семьи собственника приватизированного жилого помещения при условии, что в момент приватизации данного жилого помещения указанные лица имели равные права пользования этим помещением с лицом, его приватизировавшим, если иное не установлено законом или договором.

Однако суду не были представлены доказательства, подтверждающие, что между истцом и ответчиком на момент вселения последнего в спорную квартиру было достигнуто соглашение о том, что он вселяется в нее на тех же условиях, на которых ранее проживал в другой квартире.

Спорная квартира приобретена не путем приватизации, а на основании договора купли - продажи, в связи с чем положения ст. 19 Федерального закона применены к данным отношениям быть не могут.

Положениями ч. 4 ст. 31 Жилищного кодекса РФ предусмотрено, что, если у бывшего члена семьи собственника жилого помещения отсутствуют

основания приобретения или осуществления права пользования иным жилым помещением, а также, если имущественное положение бывшего члена семьи собственника жилого помещения и другие заслуживающие внимания обстоятельства не позволяют ему обеспечить себя иным жилым помещением, право пользования жилым помещением, принадлежащим указанному собственнику, может быть сохранено за бывшим членом его семьи на определенный срок на основании решения суда. При этом суд вправе обязать собственника жилого помещения обеспечить иным жилым помещением бывшего супруга и других членов его семьи, в пользу которых собственник исполняет алиментные обязательства, по их требованию.

В абз. 5 п. 15 постановления Пленума Верховного Суда РФ № 14 от 02 июля 2009 года «О некоторых вопросах, возникших в судебной практике при применении Жилищного кодекса Российской Федерации» разъяснено, что при определении продолжительности срока, на который за бывшим членом семьи собственника жилого помещения сохраняется право пользования жилым помещением, суду следует исходить из принципа разумности и справедливости и конкретных обстоятельств каждого дела, учитывая материальное положение бывшего члена семьи, возможность совместного проживания сторон в одном жилом помещении и другие, заслуживающие внимания обстоятельства.

Таким образом, судебная коллегия с учетом принципа разумности и справедливости, принимая во внимание, что К.П.И. является инвалидом 2 группы, имеет небольшой доход, в связи с чем возможность приобрести в собственность иное жилое помещение у него отсутствует, также он не имеет права пользования другим жилым помещением, пришла к выводу о возможности сохранения за К.П.И. права пользования квартирой 187 на определенный срок – пять лет.

Апелляционное определение № 11-17018/2016

10. При расчете платы за потребленный газ абз. 1 п. 28 Правил поставки газа для обеспечения коммунально-бытовых нужд граждан, утвержденных постановлением Правительства РФ от 21 июля 2008 года № 549, подлежит применению с момента уведомления пользователем газового оборудования поставщика газа о неисправности прибора учета и до опломбировки нового прибора учета.

Решением суда были частично удовлетворены искивые требования Т. к ООО «НОВАТЭК-Челябинск», признан недействительным размер задолженности Т. за поставленный газ за период с 23 сентября 2015 года по 30 марта 2015 года, определен размер задолженности Т. за поставленный газ за период с октября 2015 года по 30 марта 2015 года.

Разрешая требования, суд первой инстанции пришел к выводу о том, что неисправность прибора учета газа была выявлена в ходе плановой

проверки ООО «НОВАТЭК-Челябинск» и признал правомерным расчет за поставку газа, произведенный ответчиком на основании абз. 2 п. 28 Правил № 549.

Судебная коллегия отменила решение суда с принятием по делу нового решения, которым признала незаконным применение ООО «НОВАТЭК-Челябинск» абз. 2 п. 28 Правил поставки газа для обеспечения коммунально-бытовых нужд граждан, утвержденных Постановлением Правительства РФ от 21 июля 2008 года № 549, при начислении платы Т. за поставленный газ, за период с 23 сентября 2015 года по 30 марта 2015 года, определила размер расчета за потребленный Т. газ за период с 19 февраля 2016 года по 31 марта 2016 года, исходила из следующего.

В соответствии со ст. 539 Гражданского кодекса РФ по договору энергоснабжения энергоснабжающая организация обязуется подавать абоненту (потребителю) через присоединенную сеть энергию, а абонент обязуется оплачивать принятую энергию, а также соблюдать предусмотренный договором режим ее потребления, обеспечивать безопасность эксплуатации находящихся в его ведении энергетических сетей и исправность используемых им приборов и оборудования, связанных с потреблением энергии.

Абонент обязан обеспечивать надлежащее техническое состояние и безопасность эксплуатируемых энергетических сетей, приборов и оборудования, соблюдать установленный режим потребления энергии, а также немедленно сообщать энергоснабжающей организации об авариях, о пожарах, неисправностях приборов учета энергии и об иных нарушениях, возникающих при пользовании энергией (ст. 543 Гражданского кодекса РФ).

Оплата энергии производится за фактически принятое абонентом количество энергии в соответствии с данными учета энергии, если иное не предусмотрено законом, иными правовыми актами или соглашением сторон. Порядок расчетов за энергию определяется законом, иными правовыми актами или соглашением сторон (ст. 544 Гражданского кодекса РФ).

Согласно абз. 1 п. 28 Правил в случае повреждения целостности любой из пломб, указанных в подпункте «б» п. 25 настоящих Правил, или возникновения неисправности прибора учета газа, о чем абонент уведомил поставщика газа, в день обнаружения такой неисправности, объем потребленного газа определяется в соответствии с нормативами потребления газа за период со дня уведомления и до дня, следующего за днем восстановления пломб, в том числе установки пломбы на месте, где прибор учета газа после ремонта присоединяется к газопроводу.

Абз. 2 п. 28 Правил предусмотрено, что в случае, если повреждение пломб или неисправность прибора учета газа выявлены в результате проверки, проведенной поставщиком газа, объем потребленного газа определяется в соответствии с нормативами потребления газа за период со дня проведения последней проверки до дня, следующего за днем восстановления пломб, в том числе установки пломбы на месте, где прибор

учета газа после ремонта присоединяется к газопроводу, но не более чем за 6 месяцев.

Согласно п. 56 Правил проверка проводится с предварительным уведомлением абонента о дате и времени ее проведения. Уведомление о проведении проверки направляется абоненту любым способом, обеспечивающим его получение не позднее чем за 7 дней до дня проведения проверки и позволяющим достоверно установить его получение абонентом.

Суд первой инстанции не учел, что Т., как пользователь газового оборудования, исполнил обязанность по обеспечению надлежащего технического состояния прибора учета газа, при обнаружении неисправности сообщил по телефону оператору ответчика, обеспечил доступ представителя поставщика газа к прибору учета газа и газоиспользующему оборудованию для проведения проверки, подтвердившему неисправность счетчика, а также выполнил обязанность по замене прибора учета газа.

Таким образом, проверка прибора учета фактически проводилась по обращению истца, Т. выполнена обязанность по замене прибора учета газа. Следовательно, применение абз. 2 п. 28 Правил № 549 при расчете оплаты за поставку газа является незаконным.

Апелляционное определение № 11-17220/2016

11. Договор электроснабжения жилого дома заключается с его собственником и в отсутствие подписанного текста договора также считается заключенным с момента фактического предоставления этой коммунальной услуги в жилой дом. Обязанность по оплате потребленной в жилом доме услуги по электроснабжению наступает у собственника с момента возникновения права собственности, независимо от проживания либо не проживания собственника в жилом доме, использования им лично или иными проживающими в доме лицами поставленной в такой дом электроэнергии.

Акционерное общество «Энергобытовая компания «Восток» (далее - АО «ЭК «Восток») обратилось в суд с иском к Р. о взыскании задолженности за поставленную в принадлежащий ему на праве собственности жилой дом в с. Зайково Щучанского района Курганской области электрическую энергию по состоянию на 17 июля 2015 года.

Решением мирового судьи, оставленным без изменения судом апелляционной инстанции, в удовлетворении иска АО «ЭК «Восток» отказано.

При рассмотрении дела судами установлено, что АО «ЭК «Восток» является ресурсоснабжающей организацией, осуществляющей поставку электрической энергии в с. Зайково Щучанского района Курганской области.

Ответчик Р. с 14 июля 2005 года является собственником жилого дома, расположенного в с. Зайково Щучанского района Курганской области.

Договор электроснабжения между сторонами в виде единого документа подписан 10 июля 2015 года, на имя Р. открыт лицевой счет, после чего он стал производить оплату потребленной электроэнергии. До указанного момента оплата поставленной в дом электроэнергии им не производилась.

Мировой судья, разрешая возникший спор и установив, что требуемая ко взысканию сумма задолженности образовалась за период с декабря 2011 года по 17 июля 2015 года, но с учетом заявления ответчика о применении срока исковой давности, руководствуясь положениями ст. ст. 196, 199 и 200 Гражданского кодекса РФ, пришел к выводу об отсутствии у истца права требовать задолженности за пределами трехлетнего срока исковой давности по август 2012 года включительно.

Отказывая в удовлетворении иска в части взыскания задолженности за последующий период с сентября 2012 года, мировой судья, руководствуясь положениями ст. ст. 539, 544 Гражданского кодекса РФ, 153, 155, 157 Жилищного кодекса РФ, пункта 2 Основных положений функционирования розничных рынков электрической энергии, утвержденных постановлением Правительства Российской Федерации от 04 мая 2012 года № 442, Правил предоставления коммунальных услуг гражданам, указал на то, что Р. не являлся потребителем поставленной истцом электроэнергии до момента подписания с ним договора электроснабжения 10 июля 2015 года, что в спорный период в доме по соглашению с собственником фактически проживал и пользовался коммунальной услугой по электроснабжению Х., который и производил оплату до декабря 2011 года, на имя которого истец выставлял информационные листы для оплаты.

Президиум, отменяя апелляционное определение и направляя дело на новое апелляционное рассмотрение, указал, что выводы суда свидетельствуют о существенном нарушении норм материального и процессуального права.

В соответствии с п. 2 ст. 539, п. 1 ст. 540 Гражданского кодекса РФ договор энергоснабжения заключается с абонентом при наличии у него отвечающего установленным техническим требованиям энергопринимающего устройства, присоединенного к сетям энергоснабжающей организации, и другого необходимого оборудования, а также при обеспечении учета потребления энергии.

В случае, когда абонентом по договору энергоснабжения выступает гражданин, использующий энергию для бытового потребления, договор считается заключенным с момента первого фактического подключения абонента в установленном порядке к присоединенной сети.

Если иное не предусмотрено соглашением сторон, такой договор считается заключенным на неопределенный срок и может быть изменен или расторгнут по основаниям, предусмотренным статьей 546 настоящего Кодекса.

Положениями части 2 статьи 153, части 3 статьи 154, части 9 статьи 155 Жилищного кодекса Российской Федерации установлено, что обязанность по внесению платы за жилое помещение и коммунальные услуги

возникает у собственника помещения с момента возникновения права собственности на такое помещение. Собственники жилых домов несут расходы на их содержание и ремонт, а также оплачивают коммунальные услуги в соответствии с договорами, заключенными с лицами, осуществляющими соответствующие виды деятельности.

Согласно пунктам 3, 7, 17 Правил предоставления коммунальных услуг собственникам и пользователям помещений в многоквартирных домах и жилых домов, утвержденных постановлением Правительства Российской Федерации от 6 мая 2011 года № 354, потребителем коммунальной услуги является лицо, пользующееся на праве собственности или ином законном основании помещением в многоквартирном доме, жилым домом, домовладением, потребляющее коммунальные услуги.

Коммунальные услуги предоставляются потребителям начиная с установленного жилищным законодательством Российской Федерации момента, а именно с момента возникновения права собственности на жилое помещение - собственнику жилого помещения и проживающим с ним лицам.

Договор, содержащий положения о предоставлении коммунальных услуг, заключенный путем совершения потребителем конклюдентных действий, считается заключенным на условиях, предусмотренных настоящими Правилами.

Ресурсоснабжающая организация, для которой в соответствии с законодательством Российской Федерации о водоснабжении, водоотведении, электроснабжении, теплоснабжении, газоснабжении заключение договора с потребителем является обязательным, приступает к предоставлению коммунальной услуги соответствующего вида собственникам и пользователям жилых домов (домовладений) - со дня первого фактического подключения жилого дома (домовладения) в установленном порядке к централизованной сети инженерно-технического обеспечения.

Таким образом, в силу приведенных положений закона договор электроснабжения жилого дома заключается с его собственником и в отсутствие подписанного текста договора также считается заключенным с момента фактического предоставления этой коммунальной услуги в жилой дом, а обязанность по оплате потребленной в жилом доме услуги по электроснабжению наступает у собственника с момента возникновения права собственности.

При этом обстоятельства проживания либо непроживания собственника в жилом доме, использование им лично или иными проживающими в доме лицами поставленной в такой дом электроэнергии не имеют правового значения, поскольку в силу положений пункта 5 части 3 статьи 153 и части 9 статьи 155 Жилищного кодекса Российской Федерации стороной договора о предоставлении в жилой дом коммунальной услуги, обязанной оплатить ее стоимость, является его собственник.

Отказывая в иске к собственнику жилого дома Р. о взыскании оплаты поставленной в его жилой дом электроэнергии, мировой судья и суд

апелляционной инстанции не применили приведенные выше положения закона.

Таким образом, при разрешении спора по существу с учетом доводов ответчика о пропуске срока исковой давности подлежал установлению размер оплаты, срок требования которой истцом не пропущен.

Постановление президиума № 44г-74/2016

Споры, возникающие из кредитных обязательств, договоров займа

12. Условие договора потребительского кредитования о начислении штрафной санкции на остаток суммы задолженности по основному долгу за каждый день просрочки, а не на просроченный долг противоречит существу правового регулирования заёмных правоотношений, нарушает законодательно установленный запрет и является ничтожным

Банк обратился в суд с иском к Х. о взыскании задолженности, в том числе: просроченной ссуды, просроченных процентов, срочных процентов, процентов по просроченной ссуде, неустойки по ссудному договору, неустойки на просроченную ссуду, возмещении судебных расходов на уплату государственной пошлины.

Х. подала встречный иск к Банку о признании недействительным пункта кредитного договора в части незаконно начисленных и удержанных страховых премий, начисления несоразмерной последствиям нарушения обязательств по договору неустойки, снижении размера начисленной неустойки в силу ст. 333 Гражданского кодекса РФ, взыскании начисленных и удержанных страховых премий и процентов за неправомерное пользование чужими денежными средствами, взыскании компенсации морального вреда.

Суд частично удовлетворил исковые требования Банка, взыскал с Х. задолженность по кредитному договору, судебные расходы, в удовлетворении исковых требований Х. отказал в полном объеме.

Суд апелляционной инстанции изменил решение суда в части взыскания с Х. общей суммы задолженности, распределения судебных расходов по уплате госпошлины, и отменил с вынесением нового решения суда в части взыскания неустойки по ссудному договору, отказа Х. в удовлетворении встречных исковых требований о признании недействительным пункта кредитного договора, взыскания компенсации морального вреда.

Из материалов дела усматривается, что 04 сентября 2014 года между Банком и Х. был заключён договор потребительского кредита, согласно Индивидуальным условиям договора потребительского кредита общество предоставило Х. кредит.

Удовлетворяя исковые требования банка о взыскании с Х. неустойки, суд первой инстанции исходил из положений пункта Индивидуальных условий договора потребительского кредитования, заключенного между сторонами, согласно которым штрафная санкция должна начисляться на остаток суммы задолженности по основному долгу за каждый день просрочки, с чем судебная коллегия не согласилась.

В соответствии с положениями ст. 421 Гражданского кодекса РФ стороны свободны в заключении договора, условия договора определяются по усмотрению сторон, кроме случаев, когда содержание соответствующего условия предписано законом или иными правовыми актами.

В силу п. 1 ст. 422 Гражданского кодекса РФ договор должен соответствовать обязательным для сторон правилам, установленным законом и иными правовыми актами (императивным нормам), действующими в момент его заключения

Согласно ст. 16 Закона Российской Федерации «О защите прав потребителей» условия договора, ущемляющие права потребителя по сравнению с правилами, установленными законом или иными правовыми актами Российской Федерации в области защиты прав потребителей, признаются недействительными.

На основании п. 1 ст. 168 Гражданского кодекса РФ (в редакции Федерального закона от 07 мая 2013 года № 100-ФЗ), за исключением случаев, предусмотренных пунктом 2 настоящей статьи или иным законом, сделка, нарушающая требования закона или иного правового акта, является оспоримой, если из закона не следует, что должны применяться другие последствия нарушения, не связанные с недействительностью сделки.

Как разъяснено в п. 76 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 июня 2015 года № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации», ничтожными являются условия сделки, заключенной с потребителем, не соответствующие актам, содержащим нормы гражданского права, обязательные для сторон при заключении и исполнении публичных договоров (статья 3, пункты 4 и 5 статьи 426 ГК РФ), а также условия сделки, при совершении которой был нарушен явно выраженный законодательный запрет ограничения прав потребителей (например, пункт 2 статьи 16 Закона Российской Федерации от 7 февраля 1992 года № 2300- I «О защите прав потребителей», статья 29 Федерального закона от 2 декабря 1990 года №395- I «О банках и банковской деятельности»).

Из положений ч. 21 ст. 5 Федерального закона «О потребительском кредите (займе)» следует, что размер неустойки (штрафа, пени) за неисполнение или ненадлежащее исполнение заёмщиком обязательств по возврату потребительского кредита (займа) и (или) уплате процентов на сумму потребительского кредита (займа) не может превышать двадцать процентов годовых в случае, если по условиям договора потребительского кредита (займа) на сумму потребительского кредита (займа) проценты за

соответствующий период нарушения обязательств начисляются от суммы просроченной задолженности за каждый день нарушения обязательств.

Таким образом, Федеральный закон «О потребительском кредите (займе)» содержит императивные нормы, ограничивающие размер неустойки (штрафа, пени) за неисполнение или ненадлежащее исполнение заёмщиком обязательств по возврату потребительского кредита (займа) и (или) уплате процентов.

Из материалов дела следует, что пунктом Индивидуальных условий договора потребительского кредита предусмотрена неустойка в виде пени за нарушение срока возврата кредита (части кредита): 20% годовых от суммы остатка задолженности по основному долгу за каждый календарный день просрочки.

Судебная коллегия пришла к выводу о том, что условие кредитного договора о начислении неустойки на остаток задолженности по основному долгу (а не на остаток просроченной задолженности) не соответствует установленному ч. 21 ст. 5 Федерального закона «О потребительском кредите (займе)» размеру, поэтому является ничтожным в части, превышающей определенный законом предельный размер неустойки (20% годовых от суммы просроченной задолженности), и не подлежит применению. Таким образом, требования о взыскании неустойки, начисленной на сумму ссудной задолженности (то есть, задолженности, не являющейся просроченной) основано на недействительном условии сделки, в связи с чем не подлежит удовлетворению.

Кроме того, судебная коллегия, установив нарушение прав истца, как потребителя, в связи с включением в кредитный договор указанного недействительного условия, устанавливающего порядок расчета неустойки, в соответствии со ст. 15, п.6 ст. 13 Закона Российской Федерации «О защите прав потребителей» взыскала с Общества в пользу Х. компенсацию морального вреда, штраф за несоблюдение в добровольном порядке удовлетворения требований потребителя и распределила судебные расходы на уплату государственной пошлины пропорционально размеру удовлетворённых судом исковых требований.

Апелляционное определение № 11-14727/2016

13. Признание ответчиком долга по договору займа по истечении срока исковой давности не свидетельствует о перерыве течения срока исковой давности.

Л. обратился с иском к Р. о взыскании долга по договору займа от 19 ноября 2011 года, процентов за период с 19.12.2011 года по 23.05.2016 года, пени за период с 19.12.2011 года по 23.05.2016 года, возмещении судебных расходов.

Суд первой инстанции, частично удовлетворяя исковые требования, взыскал с Р. сумму долга по договору займа, пени с применением положений ст. 333 ГК РФ, проценты за пользование чужими денежными средствами, не превышающие трехгодичный срок, предшествующий обращению с иском, судебные расходы и исходил из того, что оснований для применения срока исковой давности не имеется, ответчик Р. после истечения срока исковой давности по требованию о возврате задолженности по договору займа совершил действия, свидетельствующие о признании им долга, а именно, при даче объяснений сотрудникам полиции 27 мая 2016 года он обязался вернуть Л. долг по расписке от декабря 2011 года в ближайшее время в полном объеме при первой же возможности.

Судебная коллегия частично отменила решение суда, приняла по делу новое решение, которым в удовлетворении требований Л. отказала по следующим основаниям.

Из материалов дела следует, что 19 ноября 2011 года между сторонами был заключен договор беспроцентного займа, согласно которому истец предоставил ответчику заем со сроком возврата 19 декабря 2011 года. Согласно представленной расписке, в случае просрочки Р. обязуется выплатить пени в размере 3% за день просрочки, в установленный договором срок денежные средства возвращены не были.

В силу положений ст. 196 Гражданского кодекса РФ общий срок исковой давности устанавливается в три года.

Согласно ст. 200 Гражданского кодекса РФ течение срока исковой давности начинается со дня, когда лицо узнало или должно было узнать о нарушении своего права. По обязательствам с определенным сроком исполнения течение исковой давности начинается по окончании срока исполнения.

Таким образом, с учетом положений ст. ст. 196, 200 Гражданского кодекса РФ срок исковой давности начал свое течение с 20 декабря 2011 года и истек 19 декабря 2014 года, тогда как с исковыми требованиями о взыскании суммы долга по договору от 19 ноября 2011 года истец обратился только 23 мая 2016 года, то есть за пределами установленного законом срока исковой давности.

В силу ст. 203 Гражданского кодекса РФ течение срока исковой давности прерывается совершением обязанным лицом действий, свидетельствующих о признании долга.

После перерыва течение срока исковой давности начинается заново; время, истекшее до перерыва, не засчитывается в новый срок.

Между тем суд первой инстанции не учел, что согласно абз. 1 п. 21 постановления Пленума Верховного Суда РФ № 43 от 29 сентября 2015 года «О некоторых вопросах, связанных с применением норм Гражданского кодекса Российской Федерации об исковой давности» перерыв течения срока исковой давности в связи с совершением действий, свидетельствующих о признании долга, может иметь место лишь в пределах срока давности, а не после его истечения.

Судебная коллегия пришла к выводу, что срок исковой давности по договору от 19 ноября 2011 года не мог прерываться действиями ответчика (дача 27 мая 2016 года ответчиком сотрудникам полиции объяснений и обещание возратить долг истцу), поскольку признание долга произошло уже после истечения срока исковой давности, следовательно, истцом пропущен срок исковой давности.

Кроме того, судебная коллегия обратила внимание на то, что положения п. 2 ст. 206 Гражданского кодекса РФ к возникшим правоотношениям применимы быть не могли, так как в соответствии со ст. 2 Федерального закона «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации» № 42-ФЗ от 08 марта 2015 года, названные положения подлежат применению только к правоотношениям, возникшим после 01 июня 2015 года.

Апелляционное определение № 11-15484/2016

14. Разрешая требования о взыскании просроченных процентов, суду необходимо установить, являются ли они платой за пользование кредитом или мерой ответственности за нарушение обязательства (неустойкой). Проценты за пользование кредитом не могут быть уменьшены судом на основании ст. 333 Гражданского кодекса РФ.

Публичное акционерное общество «Сбербанк России» (далее – ПАО «Сбербанк России», банк) обратилось в суд с иском к Н. о взыскании задолженности по кредитному договору.

Суд первой инстанции частично удовлетворил исковые требования, взыскал с Н. задолженность по кредитному договору, судебные расходы. Разрешая исковые требования о взыскании просроченных процентов, руководствуясь ст. ст. 330, 333 Гражданского кодекса РФ, исходя из принципа компенсационного характера любых мер ответственности, суд первой инстанции посчитал необходимым уменьшить размер просроченных процентов.

Суд апелляционной инстанции решение суда изменил в части размера взысканных сумм по следующим основаниям.

Из материалов дела усматривается, что 08 августа 2011 года между истцом и ответчиком был заключен кредитный договор о предоставлении кредита, по условиям договора которого погашение кредита производится заемщиком ежемесячными аннуитетными платежами в соответствии с графиком платежей. Обязательства по кредитному договору исполнены банком в полном объеме, ответчик, в свою очередь, ненадлежащим образом исполнял принятые на себя обязательства по внесению ежемесячных платежей.

В соответствии с п. 1 ст. 810 Гражданского кодекса РФ заемщик обязан возвратить полученную сумму займа в срок и в порядке, предусмотренном договором займа.

Согласно ст. 809 ГК РФ, если иное не предусмотрено законом или договором займа, займодавец имеет право на получение с заемщика процентов на сумму займа в размерах и порядке, определенных договором.

В силу положений п. 2 ст. 811 Гражданского кодекса РФ, если договором займа предусмотрено возвращение займа по частям (в рассрочку), то при нарушении заемщиком срока, установленного для возврата очередной части займа, займодавец вправе потребовать досрочного возврата всей оставшейся суммы займа вместе с причитающимися процентами.

В соответствии с п.1 ст. 333 Гражданского кодекса РФ, если подлежащая уплате неустойка явно несоразмерна последствиям нарушения обязательства, суд вправе уменьшить неустойку.

В данном случае судебная коллегия пришла к выводу о том, что суд неверно истолковал правовую природу просроченных процентов, к требованиям о взыскании которых применил положения ст. 333 Гражданского кодекса РФ.

Проценты за пользование кредитом, предъявленные банком ко взысканию (начислены кредитором по ставке, установленной кредитным договором, - 16,20 годовых), являются платой за пользование кредитом; данные проценты не являются мерой ответственности за нарушение обязательства (неустойкой), так как имеют другую правовую природу, соответственно, они не могут быть уменьшены судом на основании ст. 333 Гражданского кодекса РФ.

Апелляционное определение № 11-17181/2016

15. Включение в кредитный договор условия об уплате заемщиком комиссии за оформление закладной не соответствует закону, поскольку оформление закладной осуществляется по инициативе и в интересах кредитора и не является услугой, оказанной клиенту.

Л. обратился с иском к Межрегиональному коммерческому банку развития связи и информатики (публичное акционерное общество) (далее ПАО АКБ «Связь-Банк») о признании недействительным условия кредитного договора в части оплаты комиссии за оформление закладной в размере 30 000 рублей, взыскании комиссии за оформление закладной, процентов за пользование денежными средствами, компенсации морального вреда, штрафа за несоблюдение в добровольном порядке удовлетворения требований потребителя, расходов на представителя.

ПАО АКБ «Связь-Банк» заявил встречные иски о взыскании задолженности по кредитному договору, судебных расходов.

Суд первой инстанции в удовлетворении исковых требований Л. отказал, встречные требования ПАО АКБ «Связь-Банк» удовлетворил частично, взыскал с Л. задолженность по кредитному договору, судебные расходы. Отказывая в удовлетворении требований Л., суд первой инстанции исходил из того, что заемщик был согласен на оплату комиссии за оформление закладной, имел возможность отказаться от такой услуги, дал свое согласие на оплату комиссии за оформление банком закладной, подписав соответствующее соглашение, Л. подтвердил, что ознакомлен и согласен со стоимостью банковских услуг и сроками их оплаты, установленными тарифами банка, в том числе и на оформление закладной, тем самым достигнув соглашения и выразив свое согласие на условия банка.

Суд апелляционной инстанции отменил решение суда первой инстанции в части отказа в иске Л., принял по делу новое решение в этой части, которым частично удовлетворил исковые требования Л., признал условия кредитного договора в части взимания комиссии за выдачу закладной недействительными, взыскал уплаченную комиссию за оформление закладной, проценты за пользование чужими денежными средствами, компенсацию морального вреда, штраф за несоблюдение в добровольном порядке удовлетворения требований потребителя, судебные расходы. В остальной части решение суда первой инстанции оставил без изменения, исходил из следующего.

Из материалов дела следует, что 13 февраля 2013 года между Л. и ПАО АКБ «Связь-Банк» заключен кредитный договор с процентной ставкой 12 % годовых при предоставлении банку документа, подтверждающего оплату страховой премии по договору страхования, и 13 % годовых - при отсутствии указанного документа, на приобретаемую за счет кредитных средств квартиру оформлена закладная. Согласно условиям договора заемщик оплачивает банку за оказание услуг по оформлению закладной 30 000 рублей, что заемщиком было исполнено надлежащим образом.

Согласно положениям ст. 168 ГК РФ, действовавшим на момент заключения сторонами кредитного договора, сделка, не соответствующая требованиям закона или иных правовых актов, ничтожна, если закон не устанавливает, что такая сделка оспорима, или не предусматривает иных последствий нарушения.

В соответствии со ст. 9 Федерального закона от 26 января 1996 года № 15-ФЗ «О введении в действие части второй Гражданского кодекса Российской Федерации» в случаях, когда одной из сторон в обязательстве является гражданин, использующий, приобретающий, заказывающий либо имеющий намерение приобрести или заказать товары (работы, услуги) для личных нужд, такой гражданин пользуется правами стороны в обязательстве в соответствии с Гражданским кодексом РФ, а также правами, предоставленными потребителю Законом Российской Федерации от 7 февраля 1992 года № 2300-1 «О защите прав потребителей».

В силу статьи 16 Закона Российской Федерации «О защите прав потребителей» условия договора, ущемляющие права потребителя по

сравнению с правилами, установленными законами или иными правовыми актами Российской Федерации в области защиты прав потребителей, признаются недействительными. Если в результате исполнения договора, ущемляющего права потребителя, у него возникли убытки, они подлежат возмещению изготовителем (исполнителем, продавцом) в полном объеме (пункт 1). Запрещается обуславливать приобретение одних товаров (работ, услуг) обязательным приобретением иных товаров (работ, услуг). Убытки, причиненные потребителю вследствие нарушения его права на свободный выбор товаров (работ, услуг), возмещаются продавцом (исполнителем) в полном объеме (пункт 2).

Лицо, право которого нарушено, может требовать полного возмещения причиненных ему убытков, если законом или договором не предусмотрено возмещение убытков в меньшем размере (п. 1 ст. 15 Гражданского кодекса РФ).

Из содержания указанных норм в их взаимосвязи следует, что последствием признания недействительным условия кредитного договора, как ущемляющего права потребителя, является возмещение возникших убытков, наличие и размер которых подлежат доказыванию потребителем.

В соответствии с п. 1 ст. 819 Гражданского кодекса РФ по кредитному договору банк или иная кредитная организация (кредитор) обязуются предоставить денежные средства (кредит) заемщику в размере и на условиях, предусмотренных договором, а заемщик обязуется возвратить полученную денежную сумму и уплатить проценты на нее.

Пункты 1 и 2 статьи 13 Федерального закона от 16 июля 1998 года № 102-ФЗ «Об ипотеке (залоге недвижимости)» предусматривают, что права залогодержателя по обеспеченному ипотекой обязательству и по договору об ипотеке могут быть удостоверены закладной, поскольку иное не установлено настоящим Федеральным законом. Закладной могут быть удостоверены права залогодержателя по ипотеке в силу закона и по обеспеченному данной ипотекой обязательству, если иное не установлено настоящим Федеральным законом. Закладная является именной ценной бумагой, удостоверяющей следующие права ее законного владельца: право на получение исполнения по денежным обязательствам, обеспеченным ипотекой, без представления других доказательств существования этих обязательств; право залога на имущество, обремененное ипотекой.

Определение правовой природы комиссии за оформление закладной, предусмотренной заключенным сторонами кредитным договором, имеет существенное значение для правильного разрешения настоящего спора.

Между тем, положения Федерального закона «Об ипотеке (залоге недвижимости)» и иных законов и нормативных правовых актов Российской Федерации не устанавливают для гражданина, приобретающего для личных нужд жилое помещение за счет кредита банка, обязанность составлять закладную в целях удостоверения прав залогодержателя по ипотеке в силу закона; что оформление закладной не является банковской услугой, создающей полезный эффект для гражданина-потребителя; что составление и

выдача закладной необходимы исключительно банку в его интересах залогодержателя.

Судебная коллегия пришла к выводу, что включение в кредитный договор условия об уплате заемщиком комиссии за оформление закладной не соответствует закону, что оформление закладной осуществляется по инициативе и в интересах кредитора, поскольку позволяет ему в упрощенном порядке осуществлять распоряжение правами по кредитному договору и правом залога в отношении недвижимого имущества, для Л. каких-либо прав или льгот по кредитному договору закладная не порождает, в связи с чем нарушены права истца как потребителя.

Поскольку незаконным взиманием комиссии за оформление закладной Л. причинены убытки, то они подлежат взысканию с ответчика, кроме того, проценты за пользование денежными средствами, компенсация морального вреда, штраф за несоблюдение в добровольном порядке удовлетворения требований потребителя.

Апелляционное определение № 11-14829/2016

Споры, связанные с защитой прав потребителей

16. Потребитель вправе предъявить продавцу требование, предусмотренное ст. 18 Закона Российской Федерации «О защите прав потребителя», в случае, если недостаток технически сложного товара, проявляющийся вновь после его устранения, имел место по истечении годичного гарантийного срока (но в пределах двух лет со дня передачи товара).

С. обратился в суд с иском к ООО «Евросеть-Ритейл» о расторжении договора купли-продажи (об отказе от исполнения договора купли-продажи), взыскании уплаченной за товар суммы, неустойки, компенсации судебных расходов, сославшись на то, что по договору розничной купли-продажи приобрел у ответчика сотовый телефон, на который установлен гарантийный срок 12 месяцев. В течение гарантийного срока неоднократно проявлялись одни и те же недостатки, которые так и не были устранены.

Суд первой инстанции, отказывая в удовлетворении исковых требований, исходил из того, что недостатки товара не являются существенными.

Суд апелляционной инстанции согласился с выводом суда первой инстанции, при этом дополнительно указал, что после замены сенсорной панели истец принял результаты работы и пользовался телефоном, а последующее обращение было вызвано неисправностью системной платы. После замены компонентов системной платы указанная неисправность не проявлялась вновь в период гарантийного срока.

Постановлением президиума областного суда судебные акты отменены, как постановленные с нарушением норм материального права, приведшие к судебной ошибке существенного и непреодолимого характера.

В соответствии с п. 5 ст. 19 Закона Российской Федерации «О защите прав потребителей» в случаях, когда предусмотренный договором гарантийный срок составляет менее двух лет и недостатки товара обнаружены потребителем по истечении гарантийного срока, но в пределах двух лет, потребитель вправе предъявить продавцу требования, предусмотренные статьей 18 настоящего Закона, если докажет, что недостатки товара возникли до его передачи потребителю или по причинам, возникшим до этого момента.

Согласно преамбуле Закона Российской Федерации «О защите прав потребителей» существенный недостаток товара - неустранимый недостаток или недостаток, который не может быть устранен без несоразмерных расходов или затрат времени, или выявляется неоднократно, или проявляется вновь после его устранения, или другие подобные недостатки.

Судом первой и апелляционной инстанции не учтено, что в преамбуле Закона Российской Федерации «О защите прав потребителей» приведены признаки отнесения недостатков к существенным.

Наличие возможности устранения недостатков без несоразмерных расходов и затрат времени свидетельствует об отсутствии одного из признаков существенности недостатка.

Однако его отсутствие не исключает наличие другого признака существенности недостатка, в данном случае недостатка, который проявляется вновь после его устранения.

Из материалов дела, что в течение гарантийного срока выявился недостаток телефона в виде неисправности сенсорного дисплея, который после его устранения вновь проявился. Согласно заключению судебной экспертизы на момент проведения экспертизы также имеет место неисправность сенсорного дисплея телефона, неисправность системной платы, которая не была устранена.

Таким образом, выявившийся в течение гарантийного срока недостаток телефона в виде неисправности системной платы проявился вновь после его устранения, имел место и по истечении годового гарантийного срока (в пределах двух лет со дня передачи товара), поскольку не был окончательно устранен в течение гарантийного срока.

По истечении годового гарантийного срока, но в пределах двух лет со дня передачи товара, С. обратился в ООО «Евросеть-Ритейл» с претензией о замене телефона с недостатками на новый телефон, поскольку неисправность телефона, проявившаяся в течение гарантийного срока, так и не была устранена в этот срок и имеет место по истечении этого срока.

Судом апелляционной инстанции не было учтено, что в данной ситуации на основании п. 5 ст. 19 Закона Российской Федерации «О защите прав потребителей» С., как потребитель, вправе предъявить ООО «Евросеть-

Ритейл», как продавцу, требования, предусмотренные ст. 18 настоящего Закона.

Постановление президиума № 44г-65/2016

Вопросы применения норм процессуального права

1. Правило о пропорциональном возмещении судебных расходов не применяется к требованиям неимущественного характера.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения определением судебной коллегии, удовлетворены требования истца о взыскании компенсации морального вреда, причиненного в результате ДТП.

Истец обратился в суд с заявлением о взыскании с ответчика расходов по оплате услуг представителя.

Определением суда первой инстанции заявление удовлетворено частично, взысканы судебные расходы на оплату услуг представителя пропорционально размеру удовлетворенных исковых требований.

Судебная коллегия отменила названный судебный акт и взыскала судебные расходы на оплату услуг представителя, исходя из принципа разумности, учитывая сложность и характер спорных правоотношений, объем проделанной представителем работы.

В соответствии с ч. 1 ст. 100 Гражданского процессуального кодекса РФ стороне, в пользу которой состоялось решение суда, по ее письменному ходатайству суд присуждает с другой стороны расходы на оплату услуг представителя в разумных пределах.

Как предусмотрено п. 21 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О некоторых вопросах применения законодательства о возмещении издержек, связанных с рассмотрением дела» № 1 от 21 января 2016 года, положения процессуального законодательства о пропорциональном возмещении (распределении) судебных издержек (статьи 98, 102, 103 ГПК РФ, статья 111 КАС РФ, статья 110 АПК РФ) не подлежат применению при разрешении иска неимущественного характера, в том числе имеющего денежную оценку требования, направленного на защиту личных неимущественных прав (например, о компенсации морального вреда).

Апелляционное определение 11-14843/2016

2. Спор об установлении отцовства в отношении несовершеннолетних детей, внесении соответствующих изменений в актовые записи о рождении детей не является материально-правовым, в связи с чем издержки, понесенные в связи с рассмотрением дела, относятся на лиц, участвующих в деле, которые их понесли и не подлежат распределению по правилам главы 7 Гражданского процессуального кодекса РФ.

Б.А. обратился в суд с иском к Б.О., С.Ю. об оспаривании отцовства, исключении записи об отце, внесении изменений в актовые записи о рождении детей С.Б., С.У.

В обосновании требований Б.А. указал, что с 2007 года встречался с Б.О., которая родила от него двоих детей, находясь в зарегистрированном браке с С.Ю., поэтому С.Ю. был записан отцом детей в свидетельствах об их рождении. В настоящее время Б.А. зарегистрировал брак с С.О. и просит установить, что он является отцом детей, исключить запись об отцовстве С.Ю. из актовых записей о рождении, указав сведения об истце как об отце, изменив фамилии и отчества детей.

Суд постановил решение, которым установил, что С.Ю. не является отцом несовершеннолетних С.Б., С.У., исключив запись об отце в актовых записях о рождении детей, также установил, что отцом несовершеннолетних С.У., С.Б. является Б.А., обязал внести в актовые записи о рождении детей соответствующие изменения, взыскал с С.Ю. в пользу Б.А. судебные расходы.

Суд апелляционной инстанции не согласился с выводом суда в части взыскания с С.Ю. в пользу Б.А. судебных расходов, в этой части отменил решение суда с вынесением по делу нового решения об отказе в удовлетворении требований Б.А. о взыскании судебных расходов, исходил из следующего.

Согласно разъяснениям, данным в пунктах 18, 19 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 21.01.2016 г. № 1 «О некоторых вопросах применения законодательства о возмещении издержек, связанных с рассмотрением дела», по смыслу статей 98, 100 ГПК РФ, статей 111, 112 КАС РФ, статьи 110 АПК РФ, судебные издержки возмещаются при разрешении судами материально-правовых споров.

Поскольку рассмотрение дел, предусмотренных главами 28 - 30, 32 - 34, 36, 38 ГПК РФ, главой 27 АПК РФ, направлено на установление юридических фактов, определение правового статуса привлеченных к участию в деле лиц или правового режима объектов права, а не на разрешение материально-правового спора, издержки, понесенные в связи с рассмотрением указанных категорий дел, относятся на лиц, участвующих в деле, которые их понесли, и не подлежат распределению по правилам главы 7 ГПК РФ, главы 10 КАС РФ, главы 9 АПК РФ.

Не подлежат распределению между лицами, участвующими в деле, издержки, понесенные в связи с рассмотрением требований, удовлетворение которых не обусловлено установлением фактов нарушения или оспаривания прав истца ответчиком, административным ответчиком, например, исков о расторжении брака при наличии взаимного согласия на это супругов, имеющих общих несовершеннолетних детей (пункт 1 статьи 23 Семейного кодекса Российской Федерации).

Б.А. обратился в суд с иском об установлении его отцовства в отношении несовершеннолетних, оспаривании отцовства С.Ю. в отношении этих детей, внесении соответствующих изменений в актовые записи о рождении детей.

Следовательно, возникший между сторонами спор не является материально-правовым спором, не обусловлен установлением фактов нарушения или оспаривания С.Ю. прав Б.А., направлен на установление правового статуса Б.А. (как отца несовершеннолетних детей), поэтому понесенные Б.А. судебные расходы не подлежат взысканию с С.Ю.

Апелляционное определение № 11-14520/2016

3. У суда не имелось оснований для взыскания в пользу арбитражного управляющего, представляющего интересы должника, судебных расходов на оплату услуг представителя за счет стороны по делу в силу ст. 100 Гражданского процессуального кодекса РФ, поскольку право на возмещение расходов арбитражного управляющего и порядок их возмещения регламентируются положениями ст. ст. 20.6, 59 Федерального закона от 26 октября 2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» и подлежат возмещению за счет конкурсной массы должника.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения определением суда апелляционной инстанции, отказано в удовлетворении исковых требований В. к обществам, Д. о взыскании убытков.

Арбитражный управляющий Б., назначенный арбитражным судом в интересах должника ИП Д., обратилась в суд с заявлением о взыскании с В. судебных расходов на оплату услуг привлеченного им представителя.

Определением суда первой инстанции заявление арбитражного управляющего Б. удовлетворено, судебные расходы взысканы в заявленном размере.

Судебная коллегия отменила названный судебный акт и отказала в удовлетворении заявления арбитражного управляющего Б. по следующим основаниям.

В соответствии с положениями ст. ст. 94, 98, ч. 1 ст. 100 Гражданского процессуального кодекса РФ стороне, в пользу которой состоялось решение суда, суд присуждает возместить с другой стороны все понесенные по делу судебные расходы (издержки, связанные с рассмотрением дела) пропорционально размеру удовлетворенных судом исковых требований, в том числе по письменному ходатайству расходы на оплату услуг представителя в разумных пределах.

Из материалов дела следует, что арбитражный управляющий Б. понесла расходы на оплату услуг представителя адвоката О. по соглашению на оказание юридической помощи, согласно которому О. оказывает

юридические услуги по представлению интересов доверителя лично, а также интересов должника, обязанности конкурсного управляющего которого исполняет доверитель – ИП Д.

Между тем, согласно положениям ст. ст. 2, 20 Федерального закона от 26 октября 2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее - Федеральный закон № 127-ФЗ) арбитражный управляющий, утвержденный арбитражным судом для проведения конкурсного производства и осуществления иных установленных Федеральным законом № 127-ФЗ полномочий, является субъектом профессиональной деятельности и осуществляет регулируемую Федеральным законом № 127-ФЗ профессиональную деятельность, занимаясь частной практикой.

Положениями ст. 20.3, п. 1 ст. 20.6 Федерального закона № 127-ФЗ определены права и обязанности арбитражного управляющего в деле о банкротстве, он имеет право, в том числе, привлекать для обеспечения возложенных на него обязанностей в деле о банкротстве на договорной основе иных лиц с оплатой их деятельности за счет средств должника, если иное не установлено Федеральным законом № 127-ФЗ, стандартами и правилами профессиональной деятельности или соглашением арбитражного управляющего с кредиторами, кроме того, имеет право на вознаграждение в деле о банкротстве, а также на возмещение в полном объеме расходов, фактически понесенных им при исполнении возложенных на него обязанностей в деле о банкротстве.

Однако, в силу п. 1 ст. 59 Федерального закона № 127-ФЗ, в случае, если иное не предусмотрено Федеральным законом № 127-ФЗ или соглашением с кредиторами, все судебные расходы, в том числе расходы на уплату государственной пошлины, которая была отсрочена или рассрочена, расходы на опубликование сведений в порядке, установленном ст. 28 Федерального закона № 127-ФЗ, и расходы на выплату вознаграждения арбитражным управляющим в деле о банкротстве и оплату услуг лиц, привлекаемых арбитражными управляющими для обеспечения исполнения своей деятельности, относятся на имущество должника и возмещаются за счет этого имущества вне очереди.

Таким образом, право на возмещение расходов арбитражного управляющего и порядок их возмещения регламентируются ст. ст. 20.6, 59 Федерального закона от 26 октября 2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)».

Поскольку в соответствующем споре арбитражный управляющий выступала не от своего имени и отстаивала не свои личные интересы, а действовала как назначенный арбитражным судом арбитражный управляющий имуществом должника в интересах должника ИП Д. и его кредиторов в пределах предоставленных ей законом полномочий, то нормами законодательства не предусмотрена возможность возмещения судебных расходов, понесенных арбитражным управляющим на оплату услуг представителя за счет стороны по делу в соответствии с требованиями ст. 100 ГПК РФ.

По смыслу вышеприведенных положений закона в их взаимосвязи, судебные расходы заявителя при наличии доказательств разумности и обоснованности подлежат возмещению за счет конкурсной массы должника.

Апелляционное определение № 11-17922/2016

4. Направление судом апелляционной инстанции дела на новое рассмотрение мировому судье не соответствует требованиям действующего процессуального законодательства и не входит в пределы полномочий суда апелляционной инстанции.

С. и П. обратились к мировому судье с исками о взыскании с ООО «Теплоэнергосбыт» переплаты за коммунальные услуги, предоставленные ответчиком в принадлежащие истцам квартиры, ссылаясь на то, что расчет ответчиком за предоставленные коммунальные услуги производился неверно.

ООО «Теплоэнергосбыт» обратилось в суд с самостоятельным иском к П. и Р. о солидарном взыскании задолженности по оплате коммунальных услуг, указав, что ответчики, являясь собственниками помещений в доме, не производили надлежащим образом оплату предоставленных услуг, в связи с чем образовалась задолженность.

Решением мирового судьи в иске П., С. к ООО «Теплоэнергосбыт» отказано, исковые требования ООО «Теплоэнергосбыт» к П., Р. удовлетворены.

Суд апелляционной инстанции решение мирового судьи отменил и направил гражданское дело на рассмотрение по существу мировому судье того же судебного участка.

Президиум, отменяя апелляционное определение и направляя дело на новое апелляционное рассмотрение, указал, что выводы суда свидетельствуют о существенном нарушении норм права.

В статье 328 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации определены полномочия суда апелляционной инстанции, согласно которым по результатам рассмотрения апелляционных жалобы, представления суд апелляционной инстанции вправе: 1) оставить решение суда первой инстанции без изменения, апелляционные жалобу, представление без удовлетворения; 2) отменить или изменить решение суда первой инстанции полностью или в части и принять по делу новое решение; 3) отменить решение суда первой инстанции полностью или в части и прекратить производство по делу либо оставить заявление без рассмотрения полностью или в части; 4) оставить апелляционные жалобу, представление без рассмотрения по существу, если жалоба, представление поданы по истечении срока апелляционного обжалования и не решен вопрос о восстановлении этого срока.

Как разъяснено в п. 36 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19 июня 2012 года №13 «О применении судами норм гражданского процессуального законодательства, регламентирующего производство в суде апелляционной инстанции», следует иметь в виду, что при отмене судом апелляционной инстанции по результатам рассмотрения апелляционных жалобы, представления решения суда первой инстанции по основаниям, предусмотренным ч. 1 ст. 330 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, в соответствии с положениями ст. 328 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации направление дела на новое рассмотрение в суд первой инстанции не допускается. В таком случае суд апелляционной инстанции сам принимает новое решение по делу.

Таким образом, апелляционная инстанция не вправе оставить производство по делу незавершенным, поэтому после отмены решения суд второй инстанции должен разрешить дело по существу или окончить производство, используя одно из вышеназванных полномочий.

Судом апелляционной инстанции указанные требования закона и разъяснения Пленума Верховного Суда Российской Федерации не были учтены.

Рассматривая дело по апелляционной жалобе П. на решение мирового судьи, районный суд дал оценку представленным по делу доказательствам, привел нормы материального права, подлежащие применению к спорным правоотношениям, мотивировал несогласие с выводом мирового судьи об отсутствии у ООО «Теплоэнергосбыт» обязанности произвести корректировку начислений за предоставляемые коммунальные услуги с 2012 года, а также согласился с выводом суда первой инстанции о недостоверности представленных П. и С. доказательств. Однако суд апелляционной инстанции отменил решение мирового судьи и направил дело на новое рассмотрение мировому судье, указав, что ограничен в возможности приобщения дополнительных доказательств, основания для перехода к рассмотрению дела судом апелляционной инстанции по правилам суда первой инстанции отсутствуют, а по делу имеются обстоятельства, которые требуют установления.

Между тем приведенные районным судом мотивы не являются в силу ст.328 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации основанием для передачи апелляционным судом дела после отмены решения мирового судьи на новое рассмотрение в суд первой инстанции.

Исходя из положений ч.1 ст.327.1 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации суд апелляционной инстанции оценивает имеющиеся в деле, а также дополнительно представленные доказательства, которые принимаются, если апелляционный суд признает причины невозможности представления таких доказательств в суд первой инстанции уважительными.

Согласно правовой позиции, изложенной в п. 29 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19 июня 2012 г. № 13

«О применении судами норм гражданского процессуального законодательства, регламентирующих производство в суде апелляционной инстанции», если судом первой инстанции неправильно определены обстоятельства, имеющие значение для дела (п. 1 ч. 1 ст. 330 Гражданского процессуального кодекса РФ), то суду апелляционной инстанции следует поставить на обсуждение вопрос о представлении лицами, участвующими в деле, дополнительных (новых) доказательств и при необходимости по их ходатайству оказать им содействие в собирании и истребовании таких доказательств. Суду апелляционной инстанции также следует предложить лицам, участвующим в деле, представить дополнительные (новые) доказательства, если в суде первой инстанции не доказаны обстоятельства, имеющие значение для дела (п. 2 ч. 1 ст. 330 Гражданского процессуального кодекса РФ), в том числе по причине неправильного распределения обязанности доказывания.

При указанных обстоятельствах направление судом апелляционной инстанции дела на новое рассмотрение мировому судье неправомерно.

Постановление президиума № 44г-68/2016

5. Не подлежат рассмотрению в порядке приказного производства требования Банка о взыскании задолженности по кредитному договору в твердой денежной сумме, не превышающей установленный ч. 1 ст. 121 ГПК РФ предел, и о взыскании предусмотренных договором процентов, представляющих собой плату за кредит, начиная с определенной даты и по день фактического возврата суммы основного долга, размер которых не определен твердой денежной суммой.

Публичное акционерное общество Акционерный коммерческий банк «ЧЕЛИНДБАНК» (далее ПАО АКБ «ЧЕЛИНДБАНК») обратилось в суд с иском к А. о взыскании задолженности по кредитному договору, в том числе: задолженности по кредиту, задолженности по уплате процентов за пользование кредитом, неустойки; процентов на сумму основного долга, начисляемые по ставке 23% годовых, начиная с 24 августа 2016 года по день его фактической уплаты; а также судебных расходов по уплате госпошлины.

Суд возвратил исковое заявление ПАО АКБ «ЧЕЛИНДБАНК».

Возвращая исковое заявление, суд первой инстанции пришел к выводу о том, что заявленные требования подлежат разрешению в порядке приказного производства.

Апелляционная инстанция, отменяя определение суда, указала на необоснованность возвращения искового заявления ПАО АКБ «ЧЕЛИНДБАНК», по следующим основаниям.

Положения ст. 24 ГПК РФ устанавливают общее правило определения подсудности, в соответствии с которым все дела, рассматриваемые в порядке гражданского судопроизводства, подсудны в качестве суда первой инстанции

районному суду, за исключением дел, предусмотренных статьями 23, 25, 26 и 27 Кодекса.

В статье 23 ГПК РФ определен перечень дел, подсудных мировому судье. Мировой судья рассматривает в качестве суда первой инстанции дела о выдаче судебного приказа.

На основании подп. 1.1 п. 1 ч. 1 ст. 135 ГПК РФ судья возвращает исковое заявление в случае, если заявленные требования подлежат рассмотрению в порядке приказного производства.

Из системного толкования ч. 1 ст. 121, ст. 122 ГПК РФ следует, что судебный приказ выдается при соблюдении одновременно двух условий: требования заявлены о взыскании денежных средств, если размер денежных сумм, подлежащих взысканию, не превышает пятисот тысяч рублей, и требования основаны на сделке, совершенной в простой письменной форме.

Из материалов дела следует, что истцом заявлены требования как о взыскании задолженности по кредитному договору в твердой денежной сумме, не превышающей установленный ч. 1 ст. 121 ГПК РФ предел, так и о взыскании предусмотренных договором процентов, представляющих собой плату за кредит, начиная с определенной даты и по день фактического возврата суммы основного долга, размер которых не определен твердой денежной суммой.

Таким образом, рассмотрение заявления Банка, исходя из заявленных требований, в порядке приказного производства исключается.

Данная позиция согласуется с разъяснениями, изложенными в пункте 5 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2016 года № 62 «О некоторых вопросах применения судами положений Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации и Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации о приказном производстве», согласно которым под денежными суммами, которые подлежат взысканию в порядке приказного производства, понимаются суммы основного долга, а также начисленные на основании федерального закона или договора суммы процентов и неустоек (штрафа, пени), суммы обязательных платежей и санкций, общий размер которых на момент подачи заявления о выдаче судебного приказа не должен превышать: пятисот тысяч рублей - по заявлениям, рассматриваемым мировыми судьями, включая заявления об истребовании движимого имущества от должника (часть первая статьи 121 ГПК РФ), четырехсот тысяч рублей и ста тысяч рублей - по заявлениям, рассматриваемым арбитражными судами (пункты 1 - 3 статьи 229.2 АПК РФ).

Размер денежной суммы, указываемой в заявлении о выдаче судебного приказа, должен быть определен в твердой денежной сумме и не подлежит пересчету на дату выдачи судебного приказа, а также фактического исполнения денежного обязательства.

6. Если мотивированное решение суда (решение суда в окончательной форме) изготовлено в нерабочий день (воскресенье), то в соответствии с ч. 2 ст. 108 ГПК РФ днем окончания процессуального срока считается следующий за ним рабочий день (понедельник), срок на подачу апелляционной жалобы исчисляется со дня, следующего за днем изготовления решения суда в окончательной форме, и оканчивается в соответствующее число следующего месяца.

Постановление президиума № 44г- 64/2016

СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА ПО АДМИНИСТРАТИВНЫМ ДЕЛАМ И ДЕЛАМ ОБ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЯХ

Административные дела

1. Отчуждение земельных участков, образованных из одного земельного участка, находящегося в собственности налогоплательщика более пяти лет (ранее трех лет), не влечет необходимость уплаты последним налога на доходы физических лиц, поскольку срок владения объектом недвижимого имущества исчисляется с момента регистрации права собственности на преобразованный впоследствии земельный участок.

Ш.Р.Р. обратился в суд с административным иском к ИФНС о признании незаконным и отмене решения о привлечении к ответственности за совершение налогового правонарушения. В обоснование заявленных требований указал, что по договорам дарения в 2007 году ему были переданы земельные участки, которые в 2012-2014 годах им были разделены и проданы. В 2015 году налоговым органом проведена выездная налоговая проверка, по результатам которой он привлечен к ответственности за неуплату налога на доходы физических лиц, полученного от реализации земельных участков.

Решение суда первой инстанции об отказе в удовлетворении заявленных требований налогоплательщика было мотивировано тем, что при разделе первоначального земельного участка возникли новые объекты, которым присвоены новые кадастровые номера, а первоначальный объект прекратил свое существование, при этом право собственности на новые объекты подлежало государственной регистрации, в связи с чем пришел к выводам о том, что срок нахождения в собственности земельных участков, образованных при разделе, для целей исчисления и уплаты налога на доходы физических лиц должен исчисляться с даты регистрации вновь образованных земельных участков в Едином государственном реестре прав на недвижимое имущество и сделок с ним, то есть в данном случае с 2012 года.

С такими выводами суда первой инстанции не согласилась судебная коллегия, указав на то, что действующее законодательство не предусматривает в качестве основания прекращения права собственности раздел объектов недвижимости на несколько с последующей постановкой их на кадастровый учет, что изменение земельного участка в связи с разделением на несколько частей без изменения внешних границ не влечет прекращения или перехода прав собственности на него. В связи с указанным, судебная коллегия пришла к выводам о том, что право собственности на измененный впоследствии земельный участок, возникшее у Ш.Р.Р. в 2007 году, не прекратилось, а преобразовалось в право собственности на части ранее единого объекта недвижимости, поэтому денежная сумма, полученная последним от продажи земельных участков, не относится к доходу, подлежащему налогообложению, соответственно, у налогоплательщика отсутствовала обязанность по подаче налоговой декларации.

(№ 4ас -2877-2/2016)

2. Установление судом факта родственных отношений между дарителем и одаряемым не имеет правового значения при начислении сумм недоимки по налогам и пени в случае неуплаты НДФЛ.

Налоговый орган обратился в суд о взыскании с административного ответчика задолженности по налогу, возникшей вследствие неуказания последним сумм дохода по договору дарения $\frac{1}{2}$ доли в праве собственности на объекты недвижимого имущества.

Решением суда первой инстанции налоговому органу отказано в удовлетворении заявленных требований со ссылкой на факт установления родственных отношений между дарителем и одаряемым в судебном порядке, что влечет освобождение последнего от уплаты налогов на доходы физических лиц.

Отменяя решение суда, апелляционная инстанция указала на то, что факт родственных отношений установлен решением суда с учетом норм жилищного законодательства, регулирующего иную область правоотношений, что не имеет преюдициального значения для разрешения спора по существу налоговых правоотношений, признающих лишь факт родственных отношений, предусмотренный Семейным кодексом РФ.

При этом, понятие «член семьи» в семейном и жилищном законодательстве имеет разную правовую природу. Поэтому установление того факта, что ответчик являлся членом семьи дарителя на момент совершения сделки дарения, не порождает правовых последствий в рамках правоотношений, регулируемых иными отраслями права, в том числе, налоговых.

(№ 4ас-2806/2016)

3. Неправильное определение вида судопроизводства без учета избранной истцом формы обращения в суд за защитой своего права повлекло отмену судебного определения.

Истец обратился в суд с требованиями о признании действий заместителя руководителя Управления Федеральной службы судебных приставов Российской Федерации по Челябинской области при рассмотрении его жалобы от 14 апреля 2016 года незаконными и, как следствие, нарушения неимущественных прав взыскателя. Также просил признать решение руководителя Управления Федеральной службы судебных приставов Российской Федерации по Челябинской области по его жалобе от 22 июня 2016 года необоснованным (незаконным), а постановление № 27512/539 от 25 июля 2016 года подлежащим отмене; взыскать с Российской Федерации суммы в счет возмещения вреда жизненным интересам взыскателя, причиненного незаконными действиями должностных лиц Управления Федеральной службы судебных приставов Российской Федерации по Челябинской области; взыскать с Российской Федерации компенсацию морального вреда, причиненного незаконными действиями должностных лиц Управления Федеральной службы судебных приставов Российской Федерации по Челябинской области, а также судебные расходы в размере 405 рублей 50 копеек.

Определением судьи исковое заявление К.Н.М. возвращено по основаниям, предусмотренным пунктом 2 части 1 статьи 135 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации. Возвращая исковое заявление, суд первой инстанции сослался на положения гражданского процессуального законодательства и исходил из того, что иск к организации должен предъявляться по месту нахождения организации. Место нахождения ответчиков - Федеральной службы судебных приставов Российской Федерации и Управления Федеральной службы судебных приставов Российской Федерации по Челябинской области к территориальной подсудности суда первой инстанции не относится.

Судебная коллегия по административным делам Челябинского областного суда рассмотрела частную жалобу по нормам Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации и, руководствуясь статьями 315, 316 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации, апелляционным определением отменила определение суда первой инстанции и направила материал в суд первой инстанции на рассмотрение со стадии принятия административного искового заявления.

Согласно разъяснениям, содержащимся в пункте 1 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 17 ноября 2015 года № 50 «О применении судами законодательства при рассмотрении некоторых вопросов, возникающих в ходе исполнительного производства», судебная защита прав, свобод и законных интересов граждан и организаций при принудительном исполнении судебных актов, актов других органов и должностных лиц осуществляется в порядке искового производства по нормам Гражданского

процессуального кодекса Российской Федерации, административного судопроизводства - по нормам Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации.

Исковой порядок установлен для рассмотрения требований об оспаривании постановлений, действий (бездействия) судебных приставов-исполнителей и иных должностных лиц Федеральной службы судебных приставов, если от разрешения данных требований зависит определение гражданских прав и обязанностей сторон исполнительного производства, а также иных заинтересованных лиц.

Из содержания искового заявления следует, что истцом избрана такая форма обращения в суд за защитой своих прав, как исковое заявление, поданное и оформленное по правилам Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации.

Судья судебной коллегии, принимая материал по исковому заявлению частной жалобой на определение городского суда, поданной по правилам Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, назначая материал с частной жалобой К.Н.М. для рассмотрения в суде апелляционной инстанции по правилам части 2 статьи 315 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации, и судебная коллегия при рассмотрении частной жалобы К.Н.М. не учли, что право на судебную защиту не предполагает возможности выбора лицом по своему усмотрению той или иной процедуры судебной защиты, особенности которых применительно к отдельным видам судопроизводства и категориям дел определяются исходя из Конституции Российской Федерации, федеральным законом. Данное требование закона не предполагает также возможности определения судом вида судопроизводства: гражданского или административного на стадии приема заявления и возбуждения судом гражданского или административного дела в зависимости от предмета заявленных требований и характера правоотношений, из которых вытекает требование лица, обратившегося за судебной защитой, без учета избранного заявителем вида судопроизводства.

Выводы судебной коллегии о производном характере требований о возмещении вреда, взыскании расходов и компенсации морального вреда по отношению к требованию об оспаривании действий и решений должностных лиц не свидетельствуют о праве суда самостоятельно определять вид судопроизводства как административного. Частная жалоба подлежала рассмотрению в порядке гражданского судопроизводства.

Кроме того, имеется вступившее в законную силу определение об отказе в приеме административного искового заявления К.Н.М. к Федеральной службе судебных приставов Российской Федерации, Управлению Федеральной службы судебных приставов Российской Федерации по Челябинской области об обжаловании действия и решений должностных лиц Управления Федеральной службы судебных приставов Российской Федерации по Челябинской области и возмещении ущерба и компенсации морального вреда с аналогичными требованиями.

При таком положении право К.Н.М. на судебную защиту является нарушенным, поскольку в силу положений пункта 4 части 1 статьи 128 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации в принятии административного искового заявления должно быть отказано в связи с имеющимся вступившим в законную силу определением суда об отказе в принятии административного искового заявления, а возбужденное административное дело прекращению по основанию, предусмотренному пунктом 2 части 1 статьи 194 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации - в связи с имеющимся вступившим в законную силу определением суда об отказе в принятии административного искового заявления.

(№ 44ас-76/2016)

ДЕЛА ОБ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЯХ

1. Ненадлежащее извещение правонарушителя повлекло отмену судебного постановления с прекращением производства по делу

Постановлением мирового судьи В.А.Н. привлечен к административной ответственности за совершение административного правонарушения, предусмотренного ч. 1 ст. 12.8 КоАП РФ, и ему назначено административное наказание в виде штрафа в размере с лишением права управления транспортными средствами.

Отменяя постановление мирового судьи, судья указал на ненадлежащее извещение лица, привлекаемого к административной ответственности, о времени и месте судебного разбирательства.

Согласно правовой позиции Верховного Суда РФ, выраженной в п. 6 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24.03.2005 № 5 «О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» лицо, в отношении которого ведется производство по делу, считается извещенным о времени и месте судебного рассмотрения и в случае, когда из указанного им места жительства (регистрации) поступило сообщение об отсутствии адресата по указанному адресу, о том, что лицо фактически не проживает по этому адресу либо отказалось от получения почтового отправления, а также в случае возвращения почтового отправления с отметкой об истечении срока хранения, если были соблюдены положения Особых условий приема, вручения, хранения и возврата почтовых отправлений разряда «Судебное», утвержденных приказом ФГУП «Почта России» от 31 августа 2005 года № 343.

Из материалов дела усматривается, что при составлении протокола об административном правонарушении В.А.Н. указал адрес своего

фактического проживания и контактный номер телефона. Кроме того, данный адрес был указан в определении о передаче дела об административном правонарушении по подведомственности и копии паспорта лица, привлекаемого к административной ответственности.

Однако, как следует из материалов дела, о времени и месте рассмотрения дела об административном правонарушении мировым судьей В.А.Н. направлялась судебная повестка, возвращен конверт, причина невручения конверта иные обстоятельства (номер квартиры не существует).

Таким образом, повестка на имя В.А.Н. была направлена мировым судьей по иному адресу. По адресу, указанному В.А.Н., судебная повестка не направлялась. Мер по извещению другим способом судьей не предпринято.

Исходя из положений ч.1 ст. 1.6 КоАП РФ обеспечение законности при применении мер административного принуждения предполагает не только наличие законных оснований для применения административного взыскания, но и соблюдение установленного законом порядка привлечения лица к административной ответственности.

В данном случае порядок рассмотрения дела об административном правонарушении был нарушен, поскольку дело рассмотрено мировым судьей в отсутствие В.А.Н. и без надлежащего его извещения о времени и месте рассмотрения дела.

Поскольку допущенные мировым судьей при рассмотрении дела об административном правонарушении нарушения являлись существенными, постановление мирового судьи не могло быть признано законным и обоснованным и отменено. На момент рассмотрения в Челябинском областном суде жалобы В.А.Н. срок давности привлечения к административной ответственности, установленный ч.1 ст. 4.5 КоАП РФ, истек, в связи с чем производство по делу прекращено на основании п. 6 ч.1 ст. 24.5 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях.

(№ 4а-1141/2016)

2. Соблюдение требований Минимального перечня услуг и работ, необходимых для обеспечения надлежащего содержания общего имущества в многоквартирном доме, утвержденного Постановлением Правительства РФ от 03 апреля 2013 г. № 290 (далее Минимальный перечень), отнесено к лицензионным требованиям, установленным ч.4 ст.8 Федерального Закона «О лицензировании отдельных видов деятельности» от 04 мая 2011 года № 99-ФЗ.

Постановлением мирового судьи производство по делу об административном правонарушении по ч.2 ст. 14.1.3 КоАП РФ в отношении общества прекращено за отсутствием в его действиях состава административного правонарушения.

Решением судьи районного суда постановление мирового судьи оставлено без изменения.

В жалобе, поданной на вступившие в законную силу судебные акты, представитель Главного управления «Государственной жилищной инспекции Челябинской области» просит их отменить, считая незаконными.

На момент рассмотрения в Челябинском областном суде жалобы трехмесячный срок давности привлечения общества к административной ответственности, установленный ч.1 ст. 4.5 КоАП РФ для данной категории дел, истек.

Вместе с тем, согласно подп. 51 ч.1 ст.12 Федерального закона от 04 мая 2011 года № 99-ФЗ «О лицензировании отдельных видов деятельности» лицензированию подлежит предпринимательская деятельность по управлению многоквартирными домами.

Из положений ст. 8 Федерального закона от 04 мая 2011 года № 99-ФЗ «О лицензировании отдельных видов деятельности» следует, что лицензионные требования устанавливаются положениями о лицензировании конкретных видов деятельности, утверждаемыми Правительством Российской Федерации.

В силу подп. «а» п. 3 Положения о лицензировании предпринимательской деятельности по управлению многоквартирными домами, утвержденного Постановлением Правительства Российской Федерации от 28 октября 2014 года № 1110, лицензионными требованиями к лицензиату, устанавливаемыми в соответствии с частью 1 статьи 8 Федерального закона «О лицензировании отдельных видов деятельности», является соблюдение требований, в том числе предусмотренных ч. 2.3 ст. 161 Жилищного кодекса Российской Федерации.

Из ч. 2.3 ст. 161 Жилищного кодекса РФ следует, что при управлении многоквартирным домом управляющей организацией она несет ответственность перед собственниками помещений в многоквартирном доме за оказание всех услуг и (или) выполнение работ, которые обеспечивают надлежащее содержание общего имущества в данном доме и качество которых должно соответствовать требованиям технических регламентов и установленных Правительством Российской Федерации правил содержания общего имущества в многоквартирном доме, за предоставление коммунальных услуг в зависимости от уровня благоустройства данного дома, качество которых должно соответствовать требованиям установленных Правительством Российской Федерации правил предоставления, приостановки и ограничения предоставления коммунальных услуг собственникам и пользователям помещений в многоквартирных домах и жилых домах.

Таким образом, выводы судей о том, что соблюдение требований Минимального перечня услуг и работ, необходимых для обеспечения надлежащего содержания общего имущества в многоквартирном доме, утвержденного Постановлением Правительства РФ от 03 апреля 2013 г. № 290 (далее Минимальный перечень), не отнесено законодателем к

лицензионным требованиям, установленным ч.4 ст.8 Федерального закона «О лицензировании отдельных видов деятельности» от 04 мая 2011 года № 99-ФЗ, и невыполнение лицензиатом Минимального перечня не является нарушением Федерального закона № 99-ФЗ, являются незаконными. Судебные акты изменены, из них исключены вышеуказанные выводы.

(№ 4а-1144/2016)